

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 100, январь 2023

ТЕНДЕНЦИИ К ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОРЯДКА

“Yesterday’s Deterrent: Tirpitz and the Birth of the German Battle Fleet” (“Вчерашний сдерживающий фактор: Тирпиц и рождение немецкого боевого флота”) – так называется исследование американского германиста Джонатана Стейнберга, опубликованное в середине 1960-х годов. В нём рассматривается перевооружение германского флота за пятнадцать лет до 1914 года в соответствии с планами адмирала Альфреда фон Тирпица, статс-секретаря военно-морского ведомства с 1897-го по 1916 год.

По мнению Стейнберга, уже первый военно-морской закон 1898 года обозначил точку невозврата в отношениях между Германией и Великобританией. Особенностью немецкого плана, по сравнению с направлениями других держав, было то, что создание флота в Северном море имело непосредственный антибританский оттенок. Именно на этой угрозе и основывалась «теория риска» Тирпица: уже столкнувшись с военно-морским развёртыванием Франции и России, а также будучи занятым защитой имперских путей сообщения в Азию, Лондон, не рискуя вступить в конфликт, согласился бы на переговоры с Берлином по поводу его требований к германской «мировой политике».

Целью Тирпица в рамках его «теории риска», утверждает Стейнберг, было достижение дипломатической корректировки с использованием вооружённого

флота в качестве политического рычага: «Мы нуждаемся в определённом количестве морской мощи, чтобы использовать её как политический фактор против Англии». Тирпиц недооценил или не понял следствие своей «теории риска», а именно: немецкий флот в Северном море придавал военно-морскому сдерживанию объективно наступательный характер, что имело два последствия. Повышение уязвимости Германии, поскольку Британия вынуждалась к тому, чтобы атаковать до того, как флот противника станет слишком мощным. И тенденцию к объединению других держав против немецкой.

По поводу провала плана Тирпица высказались многие историки; Арриго Черветто в примечании к работе Герхарда Риттера “Военное дело и политика в современной Германии” возвращает вопрос о немецкой теории и стратегии в область материалистического анализа. Теория и стратегия «тесно определяются потребностями немецкого капитализма: они являются спелым плодом его империалистического созревания». Смысл и цель планов империалистической экспансии заключаются «лишь в их социальной детерминации»: «Если этого не понимать, то в итоге можно считать немецкую стратегию абсурдной, потому что в тех целях, которые она декларирует, она уже провалилась с самого начала. И поскольку немецкая стратегия была той, которая, именно потому, что она внешне играет наступательную роль, спровоцировала войны; войны сводятся к стратегии и представляются в качестве абсурда».

Наконец, «после абсурдной стратегии можно вернуться к абсурдной теории, и идеологическая ловушка сработала». Материалистический же анализ движется «наоборот»; немецкая империалистическая зрелость нуждалась в рынках, но «она запоздала» с точки зрения экономической, колониальной и военной мощи: империалистическая идеология Берлина, теория «была вынуждена представлять реальность империалистического мира воображаемым образом». Стратегия сдерживания Тирпица получит такой же отклик: «Она была несовершенна с самого начала, потому что сдерживание Тирпица вместо того, чтобы сдерживать Англию, спровоцировало её. Но проблема не в этом. Немецкая стратегия не могла быть иной».

Это утверждение следует понимать в самом общем смысле; Германия должна была обеспечить себя идеологией и стратегией, которые выражали бы её восхождение к империалистической зрелости; тем не менее это был процесс, в который внесли свой вклад многочисленные силы и ориентации. Таким образом, если противостояние с британским империализмом было обязательным и обусловлено системой держав, в которую Берлин включался с опозданием, то, согласно

различным реконструкциям, даже цели кайзера Вильгельма II или практические намерения Тирпица в действительности не были однозначными; в других обстоятельствах адмирал предполагал «решающее сражение» с британским флотом вместо вооружённых переговоров с Лондоном. Пол Кеннеди в своей работе “The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914” (“Рост англо-германского антагонизма. 1860–1914 гг.”) утверждает, что Тирпиц был согласен с тем течением в Берлине, которое считало войну с Великобританией неизбежной.

Михаэль Штюрмер в своей книге “Das ruhelose Reich” (“Беспокойная империя”) пишет, что по темпам немецкого судостроения – по данным Риттера, три корабля в год с 1906 года и четыре с 1908-го – можно было предсказать, когда Лондон отреагирует и начнёт перевооружение.

Меморандум Кроу от 1 января 1907 года стал знаковым актом британской реакции. Эйр Кроу, высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел, привёл в нём длинный обвинительный акт против экспансионистских и авторитарных наклонностей германского

империализма, но, прежде всего, пришёл к выводу, что безразлично, каковы декларируемые намерения политики Берлина. Он мог стремиться к «общей политической гегемонии и морскому превосходству, угрожая независимости своих соседей и в конечном счёте существованию Англии», или же мог расширять своего влияния и экономики на законном основании, используя всякую «мирную возможность», оставляя на усмотрение будущего, как далеко Германия может продвинуться в колониальной экспансии без столкновения с Францией и Англией. Эта вторая линия «полунезависимой эволюции» могла в любой момент влиться в первую, нацеленную на гегемонистское наступление. В обоих случаях Германия была заинтересована в создании мощного флота, который сам по себе представлял бы объективную угрозу для Великобритании. И даже в случае мирного развития Германия всё равно стала бы «колоссальной угрозой» для остального мира.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц,
твёрдый переплет,
список аббревиатур,
хронология, библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Содержание

ТЕНДЕНЦИИ К ПЕРЕВООРУЖЕНИЮ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОРЯДКА.	стр. 1
Токио и Берлин между перевооружением и многополярной стратегией. . .	стр. 2
Альдо Прессато – революционный лидер.	стр. 3
Конец эпохи лёгких денег	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Многополярные амбиции Олафа Шольца	стр. 5
Энгельс и английское рабочее движение.	стр. 6
<i>Мировое сражение в автопроме</i>	
Мировое сражение в сфере производства аккумуляторов	стр. 7
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Маленькие шаги сотрудничества в области здравоохранения	стр. 8
Токио переходит Рубикон контратакующего потенциала	стр. 9
<i>Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма</i>	
Континентальные государства и революции	стр.10
Плюрализм надстроек и исторические материалы китайского Дракона .	стр.11
<i>Крупные группы Китая</i>	
Дракон охотится на редкие металлы	стр. 12
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
От китайской модернизации до Персидского залива	стр. 13
<i>Выборы в США</i>	
Абсентеизм афроамериканцев – кошмар демократов	стр. 14
ОЭСР между расширением и кризисом идентичности	стр. 15
<i>Мировое сражение в энергетике</i>	
Трудный вопрос электрификации	стр. 16
<i>Российские хроники</i>	
Империализм, демография и пролетарии в камуфляже.	стр. 17
<i>Крупнейшие группы России в 2021 году</i>	
Последний джекпот?	стр. 18-19
Счета, которые не сходятся.	стр. 20
Суть момента	стр. 20

Токио и Берлин между перевооружением и многополярной стратегией

(начало на 1-й стр.)

Токио и Берлин перешли Рубикон решающего процесса перевооружения, который, по крайней мере, изменяет конфигурацию их стратегического положения меньшинства, наследия их поражения во второй империалистической мировой войне.

Ёити Фунабаси, бывший главный редактор газеты «Асахи Симбун» и председатель API (Азиатско-Тихоокеанской инициативы), опубликовал показательный комментарий в ежемесячном журнале «Бунгэй Сюдзю», который взяла на вооружение газета *The Japan Times*. По мнению Фунабаси, аналогия с меморандумом Кроу полна подтекстов для сегодняшней Японии: «Германия стремилась установить свою гегемонию сначала в Европе, а затем, возможно, и в мире; что Германия представляла растущую угрозу для Великобритании; и что было бесполезно пытаться понимать намерения Германии, поскольку важны были её возможности».

Иногда «баланс сил между государствами резко меняется». В этих обстоятельствах речь идёт о том, чтобы «чётко уловить меру соперничающей силы, найти баланс между ней и убедиться, что у соперника не появляется мысль о возможности в одностороннем порядке изменить статус-кво».

Исходя из этого Кроу пришёл к выводу, что для Великобритании настало время укрепить свои оборонительные возможности: «Поддержание или расширение силы сдерживания необходимо для сохранения мира». По мнению Фунабаси, аналогия с меморандумом Кроу полна подтекстов для сегодняшней Японии: «Китай, Северная Корея и Россия – соседи, способные угрожать Японии, – являются авторитарными государствами, характеризующимися единоличными диктатурами. Процесс принятия политических решений в таких системах непрозрачен, что затрудняет предсказание их намерений. Поэтому для Японии важнее сосредоточиться на оценке возможностей её противников, а не на их намерениях, и иметь точную оценку своих возможностей».

Фунабаси объединяет на одной почве возможности уравновешивать такие аспекты, как экономическая безопасность и военное сдерживание. Что касается первого аспекта, в центре внимания находится война чипов. Предпосылкой является то, что с XX века войны стали «тотальными», где «экономическая мощь» и «технологические возможности» являются решающими. С тех пор как Китай стал «экономической сверхдержавой» в 2010-х годах, он начал использовать свою экономику в «геополитических целях», посредством «стратегических субсидий, военно-гражданского слияния и экономического принуждения». В ходе войны на Украине и Россия, и Запад организовали наступление экономических санкций на «поле боя» энергетики и финансов. Японии нужна «политика экономической безопасности», которая защищает и развивает «экономическую мощь» и позволяет ей развернуться в случае необходимости в случае нападения. В новом веке решающие сражения «тотальной войны» будут вестись в «киберпространстве»; «вычислительные возможности», где Китай совершил технологический качественный скачок, становятся ключевым фактором «национальной мощи». У Японии есть национальный шанс заявить о себе в отрасли «полупроводников следующего поколения»; необходим государственный план инвестиций в частные груп-

пы, а также «стратегический диалог» между исполнительной властью, промышленностью и исследовательскими центрами. Фунабаси приводит в качестве образца Соединённые Штаты, но японская система высокоэффективного государственного капитализма, отметим, была признаком послевоенного восхождения Японии; симбиотические отношения между MITI, Министерством промышленности и кэйрэцу (крупными промышленными и финансовыми концентратиями) были целью американского наступления в 1980-х и 1990-х годах либеристского цикла. В балансе сил, нарушенном вторжением Китая, двигателем новой стратегической фазы, эта дирижистская модель промышленной политики вновь превращается в норму в противостоянии между державами.

Что касается плана перевооружения в рамках «радикального укрепления обороноспособности», посредством «контрактующих возможностей» и развёртывания ракет, Фунабаси стремится прояснить рамки альянса с США. Оборонные возможности могут быть увеличены «через союзы»; для надёжности ракетного сдерживания «необходимо, чтобы Япония уточнила с США их соответствующее разделение ролей и взаимодополняющие функции, развивая взаимодействие, в том числе через объединение стратегий».

Таким образом, перспектива – это одновременно подтверждение и трансформация альянса с Вашингтоном в направлении, которое ослабит его асимметричный характер. В этом контексте показательно, что даже в администрации Байдена ключевой компонент, который обращается к наработкам Курта Кэмпбелла и Раш Доши, ссылается на меморандум Кроу как на ориентир для определения китайской политики США. Доши, отвечающий за Китай в Совете национальной безопасности, во введении к своей книге *“The Long Game: China’s Grand Strategy to Displace American Order”* указывает на «великую стратегию Китая по замене американского порядка» и не скрывает, что видит в своей книге эквивалент меморандума 1907 года. Его линия, однако, основывается на тезисе о существовании «большой стратегии», запланированной Пекином. Доши понимает это как «преднамеренное, скоординированное и осуществляемое с помощью многочисленных средств государственной политики», то есть военных, экономических и политических, стремление к достижению стратегических целей средств: «Большая стратегия становится таковой не только благодаря масштабу стратегических целей, но и благодаря тому факту, что разрозненные “средства” скоординированы для её достижения. Такая координация встречается редко, и в результате большинство великих держав не имеют большой стратегии».

Возникает вопрос, является ли баланс сил политикой, сознательно проводимой государством, или же это просто объективный результат баланса сил, постепенно изменяемого неравномерным развитием. Доши считает, что противостояние в Америке по поводу китайской политики «далеко от завершения», и намерен продемонстрировать существование «большой стратегии», проводимой Пекином для подрыва положения США на региональном и глобальном уровнях, чтобы Вашингтон подготовил к ответным действиям, объединив также экономические, политические и военные аспекты противостояния. Дин Ган из *Global Times* кроме прочего

считает, что влияние книги *“The Long Game”* можно встретить в обновлениях, внесённых в “Стратегию национальной безопасности” США в 2022 году.

Сближение Фунабаси с этим подходом вызвано тем, что бывший редактор «Асахи Симбун» является представителем откровенно либерального и “многостороннего” направления японской мысли. Ещё в 2020 году в книге *“The Crisis of Liberal Internationalism: Japan and the World Order”*, написанной в соавторстве с Джоном Икенберри, Фунабаси утверждал, что Япония перед лицом американской неопределённости должна взять на себя ведущую роль в защите «либерального международного порядка», в том числе в союзе с аналогичной ориентацией Германии и Европейского Союза.

Именно здесь сравнение с параллельной эволюцией позиции Германии может пролить свет на последствия разворота Японии в направлении перевооружения. С *Zeitenwende*, “сменой эпохи”, признанной канцлером Олафом Шольцем, Берлин тоже встал на путь перевооружения, сделав чрезвычайный шаг, выделив на эти цели 100 миллиардов евро и разработав проект воздушного щита, в котором участвуют 14 других стран ЕС; атлантический оттенок инициативы, в которой Франция пока не участвует, частично уравновешивается разблокированием проекта FCAS, франко-германского истребителя. При этом одновременно запущен проект истребителя “Tempest”, в котором участвуют Токио, Лондон и Рим; если это признак автономии Японии, то в то же самое время и закладная в отношении единой европейской инициативы.

В то же время, хотя перевооружение Германии и является дополнением к Атлантическому альянсу – точно так же и перевооружение Японии происходит в подтверждение японо-американского альянса, – Берлин сопротивляется давлению США, направленному на экономическую изоляцию Пекина. Эссе Шольца, написанное для *Foreign Affairs*, излагает для американской аудиторией журнала Совета по международным отношениям (CFR) линию, которую канцлер Германии подтвердил на практике в своих поездках в Китай и на саммит Большой двадцатки на Бали. Линию, обращённую к Пекину, Дели и другим столпам восходящих держав.

Сделаем четыре замечания. Первое. 1907 год – это меньше десяти лет до начала Первой мировой войны; ссылка на меморандум Кроу в японо-американских дебатах является важным сигналом, но, как и любая историческая аналогия, она не должна быть абсолютизирована. Различие между кризисом и сломом порядка – это больше, чем нюанс; оно должно быть сохранено и тщательно выверено в анализе мирового противостояния, поскольку очевидны стратегические последствия этих двух различных перспектив. На почве экономической войны промышленная политика по образцу старой японской MITI снова становится нормой; это может свидетельствовать об особенностях новой стратегической фазы, но это ещё не подрывает общий характер либеристского цикла. В потенциальном сближении Германии и Европы, Японии, Китая и новых развивающихся экономик заложены силы для продолжения реконфигурированной глобализации в новых условиях. Германия и Европейская комиссия сопротивляются перспективе торговой войны с США в ответ на IRA, Закон о снижении инфляции. Япония

не перестаёт подчёркивать, насколько жизненно важными остаются её отношения на китайском рынке; более того, Токио уже подтвердил свою ориентацию на практике, заключив RCEP и СРТРР. Борьба Европы, Японии, а также Китая за сохранение многополярного и многостороннего порядка ещё не закончилась, и это, в свою очередь, не может не влиять на течения в США.

Второе. Для Токио и Берлина переход Рубикона перевооружения является одновременно подтверждением их отношений с Вашингтоном и актом автономии, который преобразует эти отношения. Понимание этой двойственной природы необходимо, без него нельзя постигнуть это самое преобразование.

Третье. В параллельной истории перевооружения Германии и Японии как будто частично пересекаются два стратегических цикла. Конец СССР стал цезурой, последствия которой были сравнимы с мировым конфликтом, и это имело решающее значение для завершения ялтинского раздела и воссоединения Германии и Европы. Но для того, чтобы дать решающий толчок перевооружению, потребовалась новая стратегическая фаза, с вторжением Китая. Украинская война, которая также привела в движение немецкий *Zeitenwende*, фактически находится на пересечении тенденций старого и нового века. Эта война вдохновлена российским реваншизмом в отношении стратегической катастрофы 1989–1991 годов и была начата Владимиром Путиным исходя из идеи, что открывается возможность для использования кризиса порядка, вызванного китайским вторжением. Итак, в германо-европейском и японском перевооружении есть результат этих двадцати лет нового цикла, с нарушением мирового равновесия, на которых китайский империализм оставил свой отпечаток.

Четвёртое. И Токио, и Берлин заявляют, что они хотят продолжать двигаться в многостороннем русле либерального порядка и что они хотят иметь дело с Пекином, отказываясь от конфронтации между блоками. Но и Токио, и Берлин перевооружаются. Здесь проявляется особенность решающего десятилетия: поскольку кризис порядка не может не закончиться его сломом, то и сторонники многостороннего подхода должны быть вооружены.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

Гuido Ла Барбера

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Альдо Прессато – революционный лидер

В ночь на 2 декабря в Генуе скончался Альдо Прессато, национальный лидер Lotta Comunista.

Вместе с Прессато пал последний старший дуб первого поколения партии, того самого, которое вместе с Арриго Черветто и Лоренцо Пароди стало свидетелем рождения в 1951 году Анархистских групп пролетарского действия (АГПД), которое с 1956 года участвовало в Azione Comunista, оказавшемся длительным переливанием из пустого в порожнее, и которое в 1965 году, наконец, дало жизнь Lotta Comunista.

Прессатородился в 1929 году в рабочей семье генуэзского района Сампьердарена. После третьего класса профессионально-технической школы, в 1943 году в возрасте четырнадцати лет он начал работать в механической мастерской, а в 1944 году поступил в стажёрскую школу при Ansaldo Meccanico Сампьердарены. Здесь в августе 1945 года он был принят на работу токарем.

Эти первые годы обучения и работы также были военными годами; однако Прессато вспоминал о них с некоторым ироническим разочарованием. Конечно, это были годы лишений, но прожитые с авантюрным безрассудством юноши, начинающего отпочковываться от семейного окружения. Нырание в гигантскую лужу, образовавшуюся в кратере бомбы, где он заразился тифом. Эйфория после 25 июля 1943 года, излеченная пощёчиной немецкого офицера. Некоторые шутки в адрес местного приходского священника – «таракан, таракан» – свидетельствуют о юношеских насмешках над миром духовенства, которые только коммунистическая рефлексия позже превратит в сознательный материализм. Открытие, во время пребывания у родственников на ферме, удивительного изобилия крестьянского стола по сравнению с лишениями, к которым человек был вынужден прибегать в городе из-за продовольственной карточки. Бросок костей судьбы, когда прыжок с невысокой стены позволил Прессато спастись, в то время как его одноклассник с Ansaldo был сбит пулемётным огнём и вошёл в историю как мученик Сопротивления.

На заводе сразу после войны быстро утвердилась ИКП, насчитывавшая тысячу членов из 6500 рабочих и служащих, но неукротимый темперамент Прессато плохо подходил для фидеизма и фельдфебельских методов сталинистской организации. Возникла симпатия к Лоренцо Пароди, которому тогда было 19 лет и который уже был известен как анархист, хотя и с классовой и организованной ориентацией, которая не отождествлялась с индивидуалистическими наклонностями, присутствовавшими в ИАФ (Итальянской анархистской федерации).

В 1950 году группа Ansaldo столкнулась с послевоенной реструктуризацией: из 23.000 сотрудников 7.000 были объявлены излишними; на заводы в Генуе пришло 1.600 писем о сокращении. Ansaldo Meccanico была в течение 72 дней, с сентября по декабрь 1950 года, оккупирована рабочими. В ходе борьбы Пароди стал делегатом отдела МАРІ, «малые машины», а Прессато – активистом FIOM-CGIL и «коллектором», т. е. сборщиком членских взносов, которые в то время не удерживались компанией.

Прессато – опытный альпинист, но любовь к горам постепенно уступит место политической страсти. Между молодыми людьми сложилось братство в рабочей борьбе и политической оппозиции ИКП, которое привело Прессато от его первого профсоюзного опыта к деятельности в АГПД, а затем в Azione Comunista, пока он не стал частью малочисленного патруля, который возглавит борьбу за основание Lotta Comunista в 1960-х годах. Прессато войдёт в состав Национального центра организации.

Безусловно, сражение за Геную станет испытанием всей жизни. В середине 1960-х годов присутствие партии в Генуе было действительно очень ограниченным: когда в декабре 1966 года был открыт первый офис на улице Виа делле Фонтане, насчитывалось пять активистов. Двумя месяцами ранее, 5 октября, всеобщая забастовка против планов реструктуризации судостроительной промышленности, которая затронула военно-морское подразделение Ansaldo и привела к появлению Italcantieri и Ansaldo Meccanico Nucleare, закончилась столкновением с полицией. «Генуя – острый революционный стратегий» – так была названа редакционная статья, в которой Арриго Черветто связал этот эпизод борьбы с долгосрочными перспективами ленинистской партии. ИКП, этактистская и ослабленная ложным социализмом Москвы, должна будет заплатить за противоречие связи с группами государственного капитализма, которые были реструктурированы в интересах единого рынка и Европы. Сражение за Геную могло стать решающим: если ленинизм сможет укорениться в столице государственного капитализма и, следовательно, оплоте ИКП, то это по силам сделать в любой точке итальянской метрополии.

В конце 1960-х годов двумя фронтами этого сражения стали борьба внутри студенческого движения, в соответствии с линией действий, намеченной Арриго Черветто в его «Тезисах о ленинистской тактике в кризисе школы», и борьбе на заводах за заработную плату, определявшей перспективы *тред-юнионизма*, указанные в брошюре, написанной Лоренцо Пароди.

Прессато был ключевой фигурой в борьбе на Ansaldo Meccanico Nucleare, с платформой для «единой классификации рабочих и служащих», но он также сыграл роль первопроходца в работе среди студентов, рекрутировав в партию Роберто Казеллу и Серджио Мотози. Во внутреннем циркуляре от июня 1967 года Черветто дал практические директивы по работе в направлении максималистского направления, которое росло вместе с оппортунизмом ИКП и в конкуренции с ним: «*Необходимо, чтобы все знали Lotta Comunista, необходимо, чтобы все знали нас как ленинистов*»; в каждом случае речь шла о том, чтобы «чётко» сохранять «*отличие нашей ленинистской платформы*»; «*ни в коем случае, нигде, ни при каких обстоятельствах не скрывать ни миллиметр нашей платформы!*». Такие явные указания были праздником для Прессато, который, безусловно, был прекрасным уратором, его сильной стороной был устрашающий полемический потенциал. Вот рассказ о рекрутировании Казеллы, изложенный по печаль-

ному поводу его кончины в 2016 году. Казелла «шутливо отстаивал титул первого студента, рекрутированного ленинистской тактикой в кризисе школы, но здесь отчасти сыграл свою роль случай. По причине определённых косвенных связей с миром технических специалистов Ansaldo Мотози познакомился с Альдо Прессато, представив этому кругу и своего друга; Казелла был под впечатлением от этого рабочего с машиностроительного завода, который говорил о ленинизме и самое главное ни в чём не уступал членам ИКП в ходе пламенных дискуссий.

Вскоре посещение этого круга стало постоянным; ближе к вечеру почти каждый день происходила встреча в историческом центре города в химчистке, принадлежавшей Жанне Кабелла, подруге Прессато. Именно там, между фырканьем пара и «ароматами» трихлорэтилена, два студента – физик и инженер – были рекрутированы в партию рабочим-машиностроителем, именно это и было эмбрионом ленинистской тактики в отношении школы. Но Казелла был первым: его сразу же очаровала ленинистская теория и дух борьбы, который в ней чувствовался; вместе с Прессато они набросали проект документа для студенческой ассамблеи, в которой принимал участие, выступив с заключительным словом, Арриго Черветто»¹.

Что касается борьбы на Ansaldo за единую классификацию, почти 200 часов забастовок на протяжении 1971 года, то она отражала специфику производственного предприятия в Генуе по сравнению с реалиями Милана или Турина, с большим весом квалифицированного труда, технических и служебных должностей. Но именно статья Прессато в мае 1972 года «Ленинистская партия и текущая экономическая борьба рабочего класса», подводя итоги этой борьбы, сохраняла точку зрения о единстве класса, обращалась к пролетариату, рассеянному в мелком производстве, и атаковала как «*антирабочие альянсы*» межклассовую политику и союзы с мелкой буржуазией, пропагандируемые ИКП.

Именно ИКП. Сражение за Геную шло на два фронта: укоренение на Ansaldo Meccanico и работа в студенческом движении, хорошо продвигавшаяся в общежитии и на инженерном факультете; если коротко, то ИКП реагировала в соответствии с исконно сталинистской политической культурой клеветы и запугивания. В начале 1974 года кампания завершилась исключением Прессато из FIOM-CGIL и провинциального руководства. Обратимся к заключительным размышлениям по этому вопросу из третьего тома истории партии «Lotta Comunista. Большевицкая модель»: «*Исключение Прессато стало одновременно кульминацией атаки на ленинистов и признаком её тщетности, потому что Lotta Comunista никуда не делась и контраковала на заводах, в кварталах и учебных заведениях Генуи.*

Идея о том, что Прессато можно уничтожить, лишив его позиции в руководстве, лишь показала злость ИКП, которая отражала убогость её собственного мира, состоящего из бюрократических маленьких «карьер». Это решение, принятое на заводе, не име-

ло практического эффекта. Прессато пользовался доверием рабочих, которые избрали его своим делегатом, и никто не мог исключить его из переговоров с руководством. Также не был приостановлен профсоюзный вычет, что вызвало у него резкий сарказм в отношении ИКП.

Но решающим фактом является то, что Прессато, конечно, работал в профсоюзе, но, как и любой ленинистский активист, он не был синдикалистом. В нашей борьбе на заводах случалось и случается, что активистам приходится занимать профсоюзные должности. В Генуе в последние годы, именно потому, что европейская реструктуризация вымела государственный капитал и его связь с ИКП, а затем катастрофа СССР уничтожила моральный фактор оппортунизма, мы даже были вынуждены почти заменить в политической пустыне всякую иную организованную силу на рабочем месте. Это, однако, всегда было подчинено главной задаче борьбы за укоренение ленинистской организации внутри класса. Более того, идея о том, что Прессато можно запугать, лишив его картонного звания профсоюзного руководителя, была нелепой, как со знанием человека (если уж на то пошло, именно перед ним на заводских собраниях трепетали сталинистские боссы и профсоюзные бюрократы), так и потому, что он уже обладал настоящим званием участника революционной борьбы, национального лидера на фронте рабочих в сражении за Геную и, следовательно, одним из творцов победы над оппортунизмом».

Здесь нечего добавить, кроме того, что Прессато был рабочим лидером в сражении за Геную через 25 лет после той первой встречи в цеху с Пароди и что затем он продолжал свою деятельность в качестве революционного лидера в течение ещё пятидесяти лет: целая долгая жизнь активиста, которая воплотила в практике борьбы те теоретические и стратегические предположения, которые были сформулированы в 1966 году в эссе Черветто о «Генуе – остром революционной стратегии». Неслучайно Прессато любил повторять, что если Пароди положил начало его политическому активистству, то Черветто он обязан всем своим становлением как революционного лидера.

Ещё не так много месяцев назад его можно было найти в своём кабинете, где он конспектировал книги, приводил в порядок бумаги, давал советы товарищам, которые регулярно задавали ему вопросы. Будучи столпом первого поколения, ему посчастливилось внести свой вклад в укрепление партии в трёх других шеренгах активистов, вплоть до четвёртого поколения. Мы писали это в отношении Пароди, повторяем сейчас: и его жизнь, прожитая до последнего в борьбе, была счастливой жизнью. И повезло тем новым поколениям, которые смогли пожинать её плоды.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

¹ – Ум и страсть Роберто Казеллы // «Пролетарский интернационализм» № 28. Декабрь 2016.

Конец эпохи лёгких денег

Одна из самых известных метафор, связанных с историей ФРС, – это метафора одного из её бывших председателей Уильяма Макчесни Мартина. В 1950-х годах он сказал, что обязанность центрального банка – убрать кувшин с пуншем, «когда вечеринка становится слишком горячей»: работа банка – охлаждать экономику, когда она перегревается, повышая ставки и ужесточая условия выдачи кредитов. Правда, ФРС не всегда соблюдала это правило либо из-за давления со стороны исполнительной власти, заинтересованной в продолжении экспансионистской фазы цикла, либо потому, что считала – в лице Алана Гринспена – более целесообразным вмешиваться лишь после того, как лопнет пузырь, но не раньше. Сегодня центральным банкам приходится повышать ставки, в то время как экономика колеблется и сползает к рецессии, при этом регуляторы должны делать это на рынках, которые за примерно 15 лет привыкли к падающим, близким к нулю или отрицательным ставкам и к ложной идее, что инфляция осталась болезнью прошлого.

В глобальном масштабе сегодняшняя инфляция началась из-за резкого дисбаланса между спросом и предложением, вызванного пандемией и нарушением многих цепочек поставок; она вспыхнула вместе со взрывным ростом государственного долга в «развитых» странах на более чем 20 % за один год и дополнилась украинской и энергетической войнами.

Инфляция 1970-х годов также была вызвана шоком предложения – нефтяными кризисами 1973-го и 1979 годов, – но в то время экономика росла высокими темпами: в десятилетие, предшествовавшее 1973 году, экономики «развитых» стран росли со скоростью 5 % в год, а среднее отношение долга к ВВП составляло 40 %; в десятилетие же, предшествовавшее пандемии, темпы роста экономик этих стран составляли 2 %, а отношение долга к ВВП превышало 100 %.

Оптимистичный ястреб

Ужесточение монетарной политики основных центральных банков после неоднократных повышений ставок в общей сложности на 75 базисных пунктов постепенно сходит на нет. На своих встречах в середине декабря ФРС, Банк Англии и ЕЦБ договорились о повышении ставок на 50 базисных пунктов, доведя их до 4,5, 3,5 и 2,5 % соответственно. Теперь инвестиции, ипотека, частные кредиты, государственный долг будут стоить дороже. Даже Банк Японии, непреклонный в отношении своей линии поддержания нулевой ставки, подал слабый сигнал о выравнивании, расширив коридор, в котором может колебаться доходность 10-летних государственных облигаций с $\pm 0,25$ до $\pm 0,5$ % годовых. Ослабление иены на валютных рынках уже заставило Японию, являющуюся крупным мировым экспортером капитала, совершить интервенцию с целью защиты своей валюты.

Джером Пауэлл презентовал решения ФРС, смешав агрессивные и успокаивающие тона. С одной стороны, он предупреждает: «Мы будем придерживаться курса, пока работа не будет завершена», искоренение инфляции повлечёт за собой «длительный период роста ниже тренда и определённое ослабление рынка труда». С другой стороны, он перечисляет положительные факторы: замедление темпов – признак приближения к «предельному курсу», прогнозируемому на 2023 год, к уровню процентной ставки в 5,1 %; инфляция снизилась с пикового значения в июне до 7,1 % в ноябре; по прогнозам Федерального комитета по операциям на открытом рынке

(FOMC), уже в следующем году она снизится до 3,1 %; даже если рост американской экономики составит всего 0,5 % ВВП в 2022 году и ещё 0,5 % в 2023-ем, для Пауэлла важен тот факт, что это, хотя и медленный, но всё же рост, а не спад; наконец, американский рынок труда демонстрирует большую силу благодаря наличию 4 млн вакансий.

Пауэлл разделяет инфляцию на «три корзины»: инфляция товаров, которая снижается по мере улучшения предложения; инфляция «жилищных услуг», то есть арендной платы, которая «очень, очень высока и будет продолжать расти»; инфляция на рынке труда, которая, по словам Пауэлла, соответствует росту производительности, но не соответствует целевому уровню 2 %. Прицел ФРС сосредоточен на наёмных работниках, вынужденных в очередной раз страдать от «жилищного вопроса».

Опаздывающий ястреб

ЕЦБ находится дальше от «предельной» процентной ставки, чем ФРС: он знает, что у него «больше возможностей для манёвра». Начав монетарное ужесточение вслед за своей Вашингтонской сестрой и вынужденный следовать за ней в его частичном замедлении, чтобы сохранить внутреннее единодушие, ЕЦБ должен был ужесточить свои ястребиные тона до такой степени, что это вызвало падение фондовых рынков. Кристин Лагард столкнулась с инфляцией, которая, возможно, достигла пика в октябре (10,6 %), и должна проявить абсолютную волю, чтобы её снизить. Она не заинтересована в том, чтобы подчёркивать преимущество европейского роста (3,4 %) в 2022 году. Лагард подчеркнула на своей пресс-конференции, что ЕЦБ будет повышать ставки и «дальше», будет «значительно» их увеличивать, причём «постоянно», «в темпе 50 базисных пунктов» вплоть до достижения «ограничительных уровней», и что банк намерен «удерживать ставки на ограничительных уровнях: мало будет ударить и отступить, мы выдержим курс». С марта ЕЦБ начнёт снижать темпы выкупа ценных бумаг с погашением, ограничивая объём ликвидности.

Повышение процентных ставок и незначительные интервенции ЕЦБ на рынке облигаций вызывают беспокойство у Италии, так как обслуживание долга уже сегодня обходится ей в такой процент ВВП, который кратно превышает соответствующий процент партнёров-европейцев: в Италии этот показатель в 4 раза больше, чем в Германии, в 2 с лишним раза больше, чем во Франции и в 1,5 раза больше, чем в Испании.

И ФРС, и ЕЦБ прогнозируют, что период борьбы с инфляцией продлится как минимум 3 года, и за это время они рассчитывают, что она вернётся к таргету в 2 %. Это не будет линейным движением, начиная с того, что в 2023 году экономики могут столкнуться с рецессией. По мнению некоторых экономистов, опыт кризисов, неоднократно поражающих мировую экономику, свидетельствует о том, что 2-процентный таргет должен быть пересмотрен. Бывший главный экономист МВФ Оливье Бланшар вновь выдвигает предложение о повышении целевого уровня инфляции – на этот раз до 3 %.

ЕЦБ и глобализация

Конец «эпохи лёгких денег», или «эпохи волшебных денег», по словам Себастьяна Маллаби из Совета по международным отношениям, является осложняющим фактором в международных отношениях. Почти свободный капитал был одновременно смазкой и амортизатором. Европа с войной под боком и энергетическим кризисом внутри втянута в вихрь этого осложнения. Напористый тон Ла-

гард отражает отнюдь не только беспокойство по поводу эффекта вытеснения, вызванного действиями ФРС.

В своём ноябрьском выступлении на Европейском банковском конгрессе Лагард также изложила некоторые стратегические дилеммы, возникающие на новом этапе. «Некоторые из основных тенденций», характерных для нескольких последних десятилетий, сказала она, «сдвигаются или даже обращаются вспять». В частности, «мы больше не можем предполагать, по крайней мере в обозримом будущем, что глобальное предложение будет постепенно расширяться или что глобальный спрос будет действовать как амортизатор». Речь идет о препятствиях, с которыми сталкивается тенденция к глобализации.

По словам Лагард, силы, отвечающие за предложение, подвергаются испытанию: во-первых, речь идёт о Китае, на долю которого приходится «массовое увеличение глобального предложения рабочей силы»; во-вторых, – о цепочках поставок, которые развёрнуты по всему миру, что позволяет «сократить уровень запасов и снизить затраты»; в-третьих, – о «появлении новых производителей» на энергетических рынках, особенно на рынках сланцевых нефти и газа в США. Что касается спроса, то глобализация предложила выход из «внутренних кризисов» экономик: Европа обнаружила это перед лицом кризиса суверенного долга, при этом внешний спрос более чем удвоился в период с 2010 по 2014 год. Эти две силы – глобальное предложение и глобальный спрос – позволили инфляции оставаться «необычно низкой и стабильной». Теперь все основные факторы, которые управляли глобальным спросом и предложением, – Китай, глобальные цепочки поставок, избыток энергии – меняются. «Чистое влияние на совокупное предложение и совокупный спрос станет очевидным только со временем».

Следует признать, что Лагард входит в число немногих руководителей центральных банков, которые указывают, что источник низкой инфляции находится на мировом рынке, а не в центральных банках, которые приписывают себе заслугу её поддержания на этом уровне.

«Новая глобальная карта»

Пандемия и война создали новые ограничения, говорит Лагард, и «новую глобальную карту» экономических отношений, характеризующуюся «двумя ключевыми изменениями».

Во-первых, это смещение приоритетов «с эффективности на безопасность» цепочек поставок. Многие «развитые» страны считают прошлую деиндустриализацию ошибкой и настаивают на возвращении своей иностранной промышленности или создании дружественных консорциумов. Для Европы возникает важный стратегический вопрос: «Это изменение может бросить вызов роли Китая как источника глобального спроса, снизив инвестиционную и акционерную стоимость европейских компаний. Недавний политический выбор, направленный на то, чтобы больше сосредоточиться на внутреннем спросе, в сочетании с контролем США за экспортом полупроводников и торговыми ограничениями на экспорт ключевых технологий из-за киберрисков, может повлиять на место Китая в мировой экономике».

Второе ключевое изменение – переход «от зависимости к диверсификации, особенно на энергетических рынках». Привязанность к российскому газу показала риски и пределы зависимости.

«Новая глобальная карта» Лагард, рассматривающая лишь экономические отношения, придаёт ограниченное значение «стратегической автономии Европы», понимаемой президентом ЕЦБ как

необходимость континентальной промышленной политики, которая должна быть построена «как за счёт репатриации стратегических отраслей», например, речь идёт об удвоении доли Европы на рынке полупроводников, а также «за счёт обеспечения стратегических альянсов» в сфере электрического и цифрового переходов, так и за счёт преодоления технологического отставания европейских компаний от американских.

Монетарная политика ФРС с повышением процентных ставок и сильным долларом сочетается с промышленной политикой федерального правительства и субсидиями для производителей, связанных с электрическим и цифровым переходами, и в результате приводит к сильному привлечению международного капитала для стратегических инвестиций США. В Европе подобное эффекта достичь гораздо сложнее. Лагард хвалит «Next Generation EU» объёмом 750 млрд евро, но отмечает, что в конце концов он должен будет дополняться большими инвестициями «не только со стороны частного сектора, но и со стороны национальных правительств». И она беспокоится, что на этом стыке механизм может заклинить: «[Когда] придёт время национальным правительствам консолидировать свою фискальную политику», и они окажутся перед дилеммой сокращения трансфертов и государственного потребления или сокращения инвестиций, они могут пойти по второму пути, «как они это сделали после великого финансового кризиса».

Государственный и частный капитал

В ЕЦБ возникли две альтернативные позиции по вопросу, поднятому Лагард. Член исполнительного комитета Фабио Панетта считает, что «новый мировой порядок означает, что европейские экономики больше не могут полагаться на иностранный спрос как на «регулирующую последнюю инстанцию» и что необходима более сбалансированная модель с более высоким внутренним спросом и государственными инвестициями для укрепления национальных капиталов. В то же время необходим европейский бюджетный потенциал с собственными ресурсами, полученными от выпуска общего долга».

Президент Банка Франции Франсуа Вильруа де Гало и президент Бундесбанка Йохим Нагель в своей совместной статье представили противоположную позицию: «Цифровая и зелёная трансформация наших экономик, старение наших обществ [...] потребуют массивных инвестиций, в основном с привлечением частного финансирования». По этой причине уже в 2015 году Европейский союз запустил Союз рынков капитала, «который направлен на мобилизацию частного капитала и поощрение трансграничных инвестиций путём устранения нормативных препятствий». Два президента рассматривают этот Союз как часть «общей европейской стратегии по конкуренции с другими регионами мира; от этого зависит стратегическая автономия Европы». Очевидно, что цель состоит в том, чтобы оснастить себя оружием для конкуренции в виде рынка, почти равного по объёму рынку США.

Статья двух президентов, казалось, осталась без внимания, но одобрение Конституционным судом Германии Европейского стабилизационного механизма (ЕСМ) – этого условного парашюта ЕС – ставит на нужное место часть европейской структуры, необходимой для создания Союза рынков капитала. Теперь мяч на стороне Рима – единственной столицы, которая ещё не утвердила ЕСМ.

Европейские хроники

Многополярные амбиции Олафа Шольца

Во всех публичных выступлениях Олафа Шольца в 2022 году, посвящённых мировому порядку, неизменными были неприятие мира, разделённого на блоки, и защита многостороннего подхода, сопровождаемого предложением сотрудничества «развивающимся» странам. В своей речи на Мюнхенской конференции по безопасности, за пять дней до вторжения России на Украину, Шольц упомянул о преимуществах – даже для старых держав – появления «среднего класса» в Китае, Индонезии и Индии. Хотя для Соединённых Штатов и Европейского союза «кусочки пирога сокращаются», «пирог становится больше». В конце мая на Всемирном экономическом форуме в Давосе Шольц вновь заявил, что биполярного мира, в котором доминируют США и Китай, не будет, и подчеркнул важность Латинской Америки, Африки и Азии в многополярном мире.

Позднее, 18 июля, на страницах *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)* немецкий канцлер рассказал о связи с «Глобальным Югом» в общем стремлении к демократии. Как и в его выступлении в Праге в конце августа, одной из главных тем была необходимость укрепления дееспособности ЕС, особенно в области внешней политики и обороны, чтобы Европа могла быть одним из полюсов всё более многополярного мира. За день до встречи с Си Цзиньпином, 4 ноября, Шольц написал в *FAZ*, что в Азии, Африке и Латинской Америке «возникают новые центры силы многополярного мира, с которыми мы хотим создать и расширить партнёрство».

После поездки в Китай и саммита G20 на Бали в ноябре мы заметили, что Шольц «наследует доктрине Геншера» (Берлин между европейским и глобальным равновесием // Пролетарский интернационализм № 99, декабрь 2022). Эта интерпретация полностью подтверждается эссе Олафа Шольца в номере журнала *Foreign Affairs* за январь – февраль 2023 года.

Доктрина Геншера

В бытность министром иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер стал архитектором цикла империалистического либеризма, который в конце кризиса реструктуризации конца 1970-х годов взял верх над циклом государственного капитализма. В статье «Усиление Германии и его последствия для Франции» Арриго Черветто анализировал линию, выраженную Геншером в речи перед Генеральной Ассамблеей ООН в сентябре 1977 года. Полный текст опубликован во II томе «Унитарного империализма», мы же остановимся на обобщении семи пунктов, предложенных в статье.

В первых двух пунктах Геншер признавал неравномерное развитие капитализма: «Мировой экономической порядок, – заявлял он, – [должен основываться на] пропорционально более высоком росте в странах, находящихся в стадии развития». Иными словами, Геншер подчёркивал, что Германия и другие индустриализованные страны испытывали нужду – в интересах собственного экономического роста – в том, чтобы «развивающиеся» страны росли быстрее них самих.

Пункты номер три, четыре и пять резюмируют аргументы Геншера в защиту либеризма. «Мы должны оставлять

открытыми и продолжать открывать рынки промышленных стран экспорту готовой продукции из развивающихся стран. [...] Свободная торговля и структурные изменения в мировом масштабе вместо администрирования и протекционизма являются необходимыми условиями прогресса».

Черветто уточнял: слова Геншера о необходимости «увеличивать перемещение ресурсов в развивающиеся страны» подразумевали экспорт капиталов и их вложение в промышленность этих стран, что сопровождало реструктуризацию и способствовало большей устойчивости ритма их развития.

Наконец, в пункте номер семь приводилась стратегическая аргументация Геншера в защиту своей линии: этот процесс всемирной реструктуризации ослаблял русский империализм, поскольку страны ОЭСР поглощали три четверти экспорта из «развивающихся» стран, в то время как страны СЭВ – всего 4 %.

Получается, речь шла не только об оферте «развивающимся» странам, но и о линии, служившей интересам на тот момент Западной Германии. Открытие немецкого рынка экспорту из этих стран спровоцировало бы в самой Германии реструктуризацию индустриального производства, которая вывела бы промышленность на более высокий технологический уровень. «Протекционизм внутри и администрирование международной торговли являются инструментами, которые метрополии могут использовать для того, чтобы остановить реструктуризацию и чтобы бороться со своими противниками», – писал Черветто. Тем не менее, добавлял он, «это остановит мировое развитие и вызовет кризис в самих метрополиях»¹. Ключевой элемент линии империалистического либеризма Геншера заключался в том, что промышленное развитие «развивающихся» стран создало бы отдушину, столь нужную империалистическим странам для экспорта их капитала, чтобы избежать кризиса.

Глобальная Zeitenwende

27 февраля 2022 года в речи перед Бундестагом Шольц охарактеризовал российский вторжение на Украину как «Zeitenwende» (смену эпох). В своём эссе в *Foreign Affairs*, названном «The Global Zeitenwende», Шольц расширяет рамки своих размышлений и разрабатывает стратегию в ответ на этот «эпохальный тектонический сдвиг».

«Военная спецоперация России на Украине положила конец целой эпохе. Появились или возродились новые державы, в том числе экономически сильный и политически напористый Китай. В этом новом многополярном мире разные страны и модели правления борются за власть и влияние». В этом мире немцы хотят стать «гарантами европейской безопасности» и «строителями мостов внутри Европейского союза», что помогло бы «защитить основанный на правилах международный порядок». По мнению Шольца, речь идёт о том, чтобы защищать демократические ценности совместно с партнёрами по ЕС, G7 и НАТО, «не поддаваясь [при этом] фаталистическому убеждению, что мир обречён снова разделиться на конкурирующие блоки, [поскольку] в многополярном мире диалог и сотрудничество должны выйти за рамки демократической «зоны комфорта».

Страна-источник:	Инвестиции в:	Китай + Гонконг		АСЕАН*		Индия	
		ППИ	Портф.	ППИ	Портф.	ППИ	Портф.
Германия		101,4	33,0	27,5	3,6	21,6	0,9
Великобритания		217,8	97,2	114,0	61,3	80,4	0,9
Нидерланды		56,4	10,0	125,8	3,2	63,7	0,0
ЕС + Великобритания		491,3	354,1	452,0	150,1	216,9	6,6
США		137,1	434,9	484,1	575,8	108,6	10,6
Китай + Гонконг		-	-	216,5	262,6	4,8	0,8
Япония		238,4	96,5	262,3	123,5	50,7	0,4
Все страны мира		5 491,3	3 114,5	2 576,2	1 952,9	666,2	19,4

Данные на конец 2021 года, в миллиардах долларов, основанные на базах данных CDIS и CPIS МВФ. Прямые иностранные инвестиции из страны-источника (левая колонка) в страну назначения отмечены как «ППИ»; общая сумма портфельных инвестиций страны-источника в страну назначения отмечена как «Портф.».

Примечание: *) АСЕАН: Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины и Сингапур (без Брунея, Камбоджи, Мьянмы, Лаоса и Вьетнама).

По его словам, «это конец исключительной фазы глобализации», во время которой Китай стал «глобальным игроком». Похоже, Шольц напрямую обращается к Вашингтону, когда предупреждает: «Восхождение Китая не обязательно влечёт за собой изоляцию Пекина или ограничение сотрудничества». – И добавляет, что «растущая мощь Китая не оправдывает его претензий на гегемонию в Азии и за её пределами».

Подобно Геншеру, Шольц обращается к «развивающимся» странам: «Между тем, по мере того, как Китай и страны Северной Америки и Европы приспосабливаются к меняющимся реалиям новой фазы глобализации, многие страны Африки, Азии, Карибского бассейна и Латинской Америки, которые в прошлом обеспечивали исключительный рост за счёт производства товаров и сырья при низких расходах, в настоящее время постепенно становятся более процветающими и имеют свой собственный спрос на ресурсы, товары и услуги». Эти регионы должны быть способны «воспользоваться возможностями, которые предлагает глобализация» и «потребовать усиления своей роли в мировых делах в соответствии с их растущим экономическим и демографическим весом».

Шольц и «Китай плюс»

Шольц утверждает: «[Мы] всё же можем повернуть вспять волну агрессии и империализма». Что касается метода, который позволит преуспеть в этом, он даёт подсказку в своём выступлении в *FAZ* от 3 ноября: «Диверсификация и укрепление нашей устойчивости вместо протекционизма и прятков в домике собственного рынка». Шольц прямо отвергает декаплинг от Китая, но указывает, что желает «умной диверсификации», чтобы сократить односторонние зависимости. В немецких дебатах диверсификация не означает уход из Китая, но предполагает, что наряду с «ногой» в Китае необходимо поставить в регионе и вторую «ногу». Иногда эту стратегию синтетизируют в формулы наподобие «Китай плюс один» или «Китай плюс X».

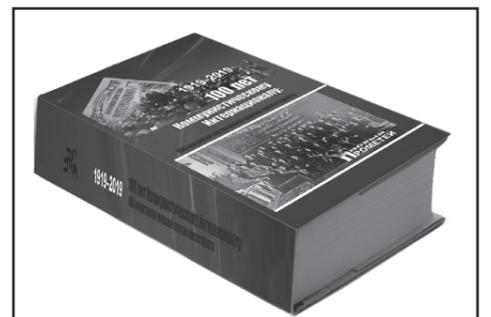
Каковы объективные основания такой стратегии диверсификации в Азии? Ответ можно найти, если обратиться к статистике накопленных инвестиций в Китае, Индии и важнейших странах АСЕАН, значащихся в базе данных МВФ, – Индонезии, Малайзии, Таиланде, Филиппинах и Сингапуре. В таблице представлены накопленные иностранные инвестиции некоторых старых ме-

трополий в Китае, Индии и пяти странах АСЕАН: прямые (создание филиала, приобретение или слияние с существующей компанией, создание совместного предприятия) и портфельные (покупка ценных бумаг и других финансовых активов). Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) представляют собой более важное и долгосрочное вложение. Портфельные же легче вывести. Таблица позволяет отчётливо разглядеть структурные различия немецких и европейских инвестиций в сравнении с американскими: последние чаще являются портфельными.

Немецкие накопленные ПИИ в Индии и выбранных странах АСЕАН составляют половину от немецких ПИИ в Китае. Получается, что немецкие капиталы уже имеют точку опоры в регионе вокруг Китая, и для них ещё имеется пространство. Что касается ПИИ в пяти странах АСЕАН, на Европейский союз и Великобританию приходится 18 % в сравнении с 19 % США, 10 % Японии и 8 % Китая (включая Гонконг). В Индии европейские ПИИ составляют 33 %; за ними следуют американские (16 %), японские (8 %) и китайские (1 %). Европейский империализм не отстаёт от своих конкурентов и по-прежнему участвует в гонке.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 480–482.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 милитантов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.
978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Энгельс и английское рабочее движение

Фридрих Энгельс вёл напряжённую теоретическую и практическую деятельность, чтобы дать сознание и мускулы по-настоящему марксистской партии в Англии. Однако даже такое крупное объединение, как *Социал-демократическая федерация* Генри М. Гайндмана, приняло марксизм только формально для целей пропаганды, и Энгельс боролся с его сектантскими взглядами, включавшими отказ от участия в профсоюзной борьбе, которая рассматривалась им как уступчивость и реформистское предательство.

Социалистический союз, родившийся в результате раскола упомянутой федерации, вскоре распался под давлением анархистских влияний. *Фабриканское общество*, в котором состояли блестящие одарённые интеллектуалы, такие как Бернард Шоу и Сидней Уэбб, было, однако, враждебно настроено по отношению к классовой борьбе и стремилось «проникнуть» в Либеральную партию и заставить её взять на себя реализацию социальных программ государственного вмешательства на национальном уровне и особенно на уровне местных администраций.

Даже лидер шотландских горняков Джеймс Кейр Харди, несмотря на то, что в 1893 году он основал *Независимую рабочую партию* – первую организацию, отказавшуюся от поддержки либералов в электоральных состязаниях, – всегда оставался активистом с эклектичными взглядами, окрашенными в евангелистские тона, и никогда не был настоящим марксистом. Именно в этом контексте и необходимо рассматривать приводимые нами выдержки из одиннадцати статей, написанных Энгельсом для еженедельной газеты *The Labour Standard* в период с мая по август 1881 года.

Система оплаты труда

Энгельс показывает, что «справедливая заработная плата» и «справедливый рабочий день», которых традиционно требуют профсоюзы, «определяются конкуренцией», но в конечном счёте всегда связаны со стоимостью средств существования, необходимых рабочим для жизни в условиях определённого исторического периода, а также с такой продолжительностью и интенсивностью рабочего дня, которые не повредят их способности выполнять такое же количество труда в последующие дни.

Это «весьма своеобразная справедливость»¹, замечает Энгельс. Поскольку рабочий должен жить и не может ждать, он вынужден бороться за то, чтобы вернуть себе хотя бы часть той стоимости, которую он произвёл. Поэтому рабочий класс не должен надеяться на уравновешивающую добродетель свободного рынка, а должен стремиться к «уничтожению самой системы наёмного труда»².

Профсоюзы «никогда и не пытались сделать [это]», но это отнюдь не значит, что они бесполезны, напротив – они «необходимы». Профсоюзная борьба не может изменить сущность закона заработной платы, величина которой определяется стоимостью рабочей силы, но «[заработная] плата в каждом случае устанавливается путём торга»³, а если его нет, то ра-

бочий не получает даже того, чего он хочет в соответствии с тем же самым экономическим законом.

Вот почему рабочие не могут обойтись без «хорошо организованных» объединений и должны добиваться от государственных учреждений законодательного признания продолжительности их рабочего времени. Однако это «крайний предел», на который «могут надеяться» профсоюзы, ведущие великую борьбу, которая всегда возобновляется снова и снова, потому что колебания рынка периодически внезапно разрушают то, чего они достигли: «Это – порочный круг, из которого нет выхода»⁴.

Потенциал класса и политические ограничения

Энгельс видел назревающий в недрах класса процесс накопления горючего материала и хотел дать научную ясность и политическое руководство будущему движению. Он боролся с руководством профсоюзов, порабощённым либеральной буржуазией, осуждал его оппортунистическую практику, но никогда не требовал, чтобы профсоюзы играли роль революционной партии – роль, которая и не могла им принадлежать; он не уделял много времени бесплодным спорам между низами и верхушкой профсоюзов и не предлагал создать новый союз рядом с прежним.

Энгельс хотел внести в экономическую борьбу политическую сознательность, чтобы рабочие могли понять, что вся профессиональная деятельность, «борьба за высокую заработную плату и за короткий рабочий день, как и вся деятельность тред-юнионов в её нынешнем виде, является не самоцелью, а лишь средством, пусть средством очень необходимым и действенным, но всё же только одним из многих средств, ведущих к достижению более высокой цели: к полному уничтожению всей системы наёмного труда»⁵.

С 1874 года начался промышленный кризис, который продолжался до 1885 года. Предприниматели воспользовались моментом, чтобы отказаться от сделанных ими до этого уступок в отношении заработной платы и рабочих часов, вызвав тем самым массовые забастовки, в результате которых рабочие всегда терпели поражение. Чтобы ситуация снова сдвинулась с мёртвой точки, понадобился новый экономический цикл, мобилизация не состоявших в профсоюзах рабочих масс и формирование другой группы руководителей, находящихся под влиянием социалистических идей.

Революционный синдикализм в Англии

«Небольшая, но влиятельная группа молодых рабочих» чуть старше тридцати лет во главе с Томом Манном и Джоном Бёрнсом вступила в ожесточённое столкновение со старыми лидерами с их профессиональным эгоизмом, стремясь зарегистрировать миллионы полуквалифицированных и неорганизованных неквалифицированных рабочих, требующих «восьмичасового рабочего дня и минимальной заработной платы, не зависящей от прибыли предпринимателей» (Morton A. L., Tate G. *The British Labour Movement*, 1956).

ПОРТОВЫЕ РАБОЧИЕ

Лучано Марроку в своей работе 1981 года «*Labourismo e Trade Unions. L'evoluzione del movimento operaio in Gran Bretagna, 1867–1926*» приводит хронику забастовки докеров. Цитируем некоторые отрывки.

Докеры делились на две категории: «[...] постоянные работники, получающие регулярную еженедельную заработную плату, и временные работники, получающие почасовую оплату. [...] Также были случайные работники – большая армия неквалифицированных рабочих, которые каждое утро появлялись у ворот доков в надежде найти работу. [...] Следовательно, доки являлись последним прибежищем людей всех классов и всех профессий».

«Таким образом, это был материал, из которого состояла армия случайных докеров, [поэтому] долгое время казалось, что они представляют собой наименее перспективную почву для попыток организованных действий. [Наоборот] первым и самым большим результатом нового соглашения было то, что работа в доках впервые была переведена в положение организованной и регулярной торговли. При продлении соглашения работа в доках становилась более регулярной, лучше оплачиваемой и выполнялась в лучших условиях, чем когда-либо прежде».

Генри Пеллинг в книге 1963 года «*A History of British Trade Unionism*» описывает дисциплину, царившую на маршах докеров: «Хорошие погодные условия способствовали пропаганде на открытом воздухе, и на Тауэр-Хилл каждый день проводились массовые митинги. [...] Бёрнс был самым убедительным оратором, а соломенная шляпа, которую он всегда носил, делала его ориентиром в толпе. Каждый день после демонстрации он вёл парад забастовщиков по центральным районам; вид этой огромной, но очень дисциплинированной массы, состоявшей из решительных мужчин, идущих в линию по пять человек, производил впечатление на общественное мнение и обеспечивал щедрые взносы в фонды забастовки».

Забастовка женщин на спичечной фабрике и победа газовиков подготовили атмосферу для великой забастовки лондонских докеров, прошедшей в августе 1889 года, в которой на протяжении более четырёх недель приняли участие десятки тысяч «случайных» рабочих, преодолевших барьеры, отделявших их от ограниченных профсоюзов, таких как специализированный профсоюз докеров. Глава небольшого профсоюза рабочих чайных складов Бен Тиллет призвал на помощь Манна, Бёрнса и дочь Маркса Элеонору, которая с группой социалистов, направляемой самим Энгельсом, уже два года вела работу у ворот порта и в соседнем районе Ист-Энд (Tsuzuki C. *The Life of Eleanor Marx, 1855–1898: A Socialist Tragedy*, 1967).

Расширялось судоходство, необходимо было более рационально и эффективно организовать портовое хозяйство (прежде всего в интересах судовладельцев и пользователей) при помощи крупных фирм, превосходящих множество мелких предпринимателей; этой цели мог бы послужить даже сильный профсоюз, стремящийся регулировать тарифы. Но капитализм – это совокупность противоречивых интересов, и все его процессы развиваются только в яростной борьбе. С другой стороны, аналогичная реструктуризация портов к тому времени уже затронула Роттердам и Гамбург, а через десять лет настанет очередь Генуи.

Битва докеров

Энгельс писал: «[Я] горжусь и радуюсь [что стал свидетелем забастовки докеров]»⁶. В двух своих статьях от 31 августа и 5 октября 1889 года он обрисовал конфликт во всех его деталях и описал запутанную стратификацию по признаку привилегий, которая позволяла портовым предпринимателям «самым бесстыдным образом [эксплуатировать] своих рабочих, используя таким путём одновременно выгоды и средневекового цехового общества, и современно капиталистического». «В этом тайна симпатии публики к забастовке и небывалой до сих пор щедрой денежной помощи со стороны буржуазных кругов». «Но этим всё и ограни-

чилось», – говорит Энгельс и заявляет, что именно «беднейшие из бедных»⁷ рабочие должны решить задачу демонтажа феодальных пережитков в доках.

Борьба была жёсткой и сопровождалась ежедневными мобилизациями, митингами, парадами, распространением листовок, массовыми пикетами и выплатой забастовочных пособий, которые предоставлялись даже безработным и бродягам, чтобы не дать им сломаться. Блокада крупнейшего порта того времени породила невиданную доселе, тем более на международном уровне, солидарность рабочих. В итоге посредничество мэра и кардинала санкционировало победу рабочих и руководивших ими «новых тред-юнионов».

Агитация за восьмичасовой рабочий день завершилась большой демонстрацией 1 мая 1890 года в Гайд-парке, вырванной из рук «старых» профсоюзных деятелей. А на Конгрессе тред-юнионов (The Trades Union Congress, TUC) 1890 года «новые тред-юнионы» победили пролиберальных лидеров, хотя в последующие годы, когда переговоры «нормализовались», они восстановили контроль над профсоюзом.

Энгельс преподавал нам ценный урок политического анализа, который становится особенно необходимым именно в накалённой атмосфере забастовки. Он не ограничился простым описанием столкновения рабочих и собственников, а исследовал интересы и настроения всех классов, всех общественных деятелей, связанные с реорганизацией крупнейшего в мире порта. Однако его попытка сформировать по крайней мере ядро милитантов, обладавших хорошей теоретической базой, которая удерживала бы их от создания бесполезных сект, попытка создать центр объединения партии не увенчалась успехом.

Lotta comunista, июнь 2022 г.

1 – К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 255, 256.

2 – Там же. С. 265.

3 – Там же. С. 260.

4 – Там же. С. 265.

5 – Там же. С. 268.

6 – Там же. Т. 21. С. 396.

7 – Там же. С. 398–399, 400.

Мировое сражение в автопроме

Мировое сражение в сфере производства аккумуляторов

Процесс электрификации автомобиля сопровождается двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, рост цен на ископаемые энергоносители, ускоренный войной на Украине, делает строительство гигафабрик по производству литий-ионных аккумуляторов более актуальным. Однако в качестве контртенда рост цен на никель, литий и другие материалы угрожает замедлить и даже временно обратить вспять долгосрочную тенденцию к снижению стоимости аккумуляторов (самой дорогой части электромобилей), что препятствует более широкому внедрению электрических технологий. Об этом говорит аналитик Benchmark Mineral Intelligence Грегори Миллер (Reuters, 07.03.2022).

Геополитическое игровое поле

Энергетическая независимость – это иллюзия. Несмотря на то, что электрификация автомобиля позволит снизить зависимость от нефтедобывающих стран, она приведёт к возникновению новой зависимости от сырья, необходимого для производства аккумуляторов: лития, кобальта, никеля, графита, редкоземельных элементов. По мнению профессора Школы дипломатической службы Джорджтаунского университета Стива Левина, «электромобили – это новое экономическое и геополитическое игровое поле» (Verge, 13.08.2018).

По данным финансовой газеты BloombergNEF, стоимость литий-ионного аккумулятора составляет 101 доллар за киловатт-час (кВт·ч), из которых только 24 % приходится на рабочие процессы, но 50 % – на катод, состоящий из лития, никеля, кобальта, марганца; 12 % – на графитовый анод; 7 % – на сепаратор, предотвращающий электрический контакт между катодом и анодом; 4 % – на электролит (среду, транспортирующую ионы лития от катода к аноду); 3 % – на стальной и алюминиевый корпус. Таким образом, более двух третей стоимости аккумулятора приходится на стоимость сырья.

Статья на сайте visualcapitalist.com от 15 сентября 2017 года описывает, как исследователи этой организации продолжили эксперимент, начатый в своё время UBS Evidence Lab (лабораторией швейцарского банка UBS). Специалисты лаборатории утилизировали Chevy Bolt, электромобиль группы General Motors, и тридцать девять аналитиков банка оценили его отдельные части. Было замечено, что при сравнении электромобиля и автомоби-

ля с двигателем внутреннего сгорания значение имеет не только аккумулятор, но и другие основные узлы электромобиля, такие как синхронный двигатель с постоянными магнитами. Затем данные были экстраполированы на гипотетическую ситуацию, когда будущий мировой рынок будет на 100 % состоять из электромобилей: в результате спрос на литий увеличился бы на 2898 %, на кобальт – на 1928 %, на редкоземельные элементы – на 655 %, на графит – на 524 %, на никель – на 195 %, на медь – на 22 %, на марганец – на 14 %, на алюминий – на 13 %, а спрос на сталь упал бы на 1 %.

Это всего лишь мысленный эксперимент, проведённый UBS, но он имеет большое значение, поскольку позволяет оценить масштаб потенциальной борьбы между империалистическими державами за присвоение сырья, необходимого для электрификации автомобиля. Как считает Bloomberg от 27 мая 2021 года, битва за господство в сфере автомобилей с аккумуляторным питанием будет вестись по принципу «нация против нации».

Аккумуляторы: превосходство Азии и реакция Европы и Америки

Из десяти крупнейших аккумуляторных компаний мира четыре являются китайскими (44 % общего производства киловатт-часов), три – южнокорейскими (32 %) и три – японскими (18 %). То есть десять азиатских компаний контролируют 94 % мирового производства аккумуляторов. В многополярном мире европейский и американский полюсы не могут смириться с такой зависимостью и реагируют наращиванием собственного производственного потенциала.

По данным Fleet Europe (ведущей мультимедийной платформы B2B для международных корпоративных парков в Европе), европейские страны планируют построить аккумуляторные гигафабрики суммарной мощностью 962 ГВт·ч (гигаватт-час). В этом процессе лидирует Германия, планирующая обеспечить 510 ГВт·ч, что составляет 53 % проекта, закладываемой в европейские проекты.

По данным Bloomberg, проекты, реализуемые в Северной Америке, должны обеспечить 583 ГВт·ч, из которых 478 ГВт·ч придутся на США. Одна только Германия превосходит США: это ещё один признак немецкой промышленной мощи и упадка американской автомобильной промышленности по сравнению с её европейскими и азиатскими конкурентами.

«Аккумуляторы представляют собой самый ценный компонент электромобиля и имеют решающее значение с точки зрения производительности и стоимости», – говорит аналитик BloombergNEF Джеймс Фрит. – Страны из всех сил пытаются привлечь производителей этой важнейшей технологии, чтобы их автомобильная промышленность оставалась актуальной в мире электромобилей и чтобы существующие рабочие места в цепочке поставок автомобилей не исчезли» (Bloomberg, 27.05.2021).

Международные альянсы

Технология производства электромобилей позволяет войти в автомобильную промышленность новым игрокам, открывая новые сценарии и возможности заключения новых альянсов. Это случай южнокорейской LG, основанной в 1947 году как химическая компания, или таких электронных компаний, как южнокорейская Samsung и японская Panasonic.

Китайской CATL всего 11 лет. Среди десяти ведущих производителей аккумуляторов в мире средний возраст четырёх китайских компаний составляет всего 17 лет по сравнению с 47 годами для корейских и 48 годами для японских.

В условиях жёсткой глобальной конкуренции возникает сотрудничество между традиционными игроками (производителями автомобилей) и новыми игроками в форме совместных предприятий или долгосрочных контрактов на поставку аккумуляторов. Традиционным игрокам необходимо получить доступ к новым аккумуляторным технологиям, а новым игрокам в области аккумуляторов, таким как CATL, LG, Northvolt, требуется установить отношения сотрудничества с существующими сборщиками, рынком сбыта своей продукции.

Речь идёт о глобальной реструктуризации всей цепочки создания стоимости: в центре системы находится производитель автомобилей как проектировщик и сборщик, выполняющий роль централизатора и координатора обширной международной сети поставок сырья и комплектующих.

Поскольку автопром – это один из основных секторов, обеспечивающих индустриальную мощь стран, её включение в энергетический переход не может быть предоставлено рыночным силам, а требует вмешательства государства и промышленной политики правительств.

Lotta comunista, май 2022 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕКУЩИЕ И БУДУЩИЕ ПРОЕКТЫ

гигафабрик по производству литий-ионных аккумуляторов

В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Компани	Гигаватт-часы
Ford & SK Innovation	129.0
Tesla & Panasonic (Невада)	91.0
Ultium Cells	70.0
General Motors-LG Solutions	50.0
Stellantis-LG	40.0
Stellantis-Samsung	40.0
SK Innovation	30.8
Kore Power	12.0
Tesla & Panasonic (Калифорния)	10.0
Envision	3.0
iM3NY	1.8
СИЛА	477.6
Britishvolt	60.0
Ultium Cells	30.0
StromVolt	10.0
LG Energy	5.0
Electrovaya	0.2
КАНАДА	105.2
Итого по Северной Америке	582.8

Источник: Bloomberg.

В ЕВРОПЕ

Компани	Гигаватт-часы
CATL	100.0
PSA/Opel	64.0
SVOLT	24.0
VW/Northvolt	24.0
Farasis	16.0
Microvast	12.0
Leclanche'	2.5
ГЕРМАНИЯ	510.0
SK Innovation	47.3
Samsung	30.0
ВЕНГРИЯ	77.3
Italvolt	70.0
ИТАЛИЯ	70.0

Britishvolt	35.0
Nissan/Envision AESC	25.0
AMTE Power	5.0
Envision AESC	2.5
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	67.5
PSA/Opel	64.0
Leclanche'	2.5
ФРАНЦИЯ	66.5
Freyr	34.0
Morrow	32.0
НОРВЕГИЯ	66.0
LG Chemical	65.0
ПОЛЬША	65.0
Northvolt	40.0
ШВЕЦИЯ	40.0
Итого по Европе	962.3

Источник: Fleet Europe.

ПРОИЗВОДСТВО ЛИТИЙ-ИОННЫХ АККУМУЛЯТОРОВ

ОСНОВНЫЕ СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Galp (Португалия)	с Northvolt (Швеция)
Ford (США)	с SK Innovation (Южная Корея)
Stellantis (Голландия)	с Samsung (Южная Корея)
Stellantis (Голландия)	с LG Energy (Южная Корея)
Stellantis (Голландия)	с Toyota (Япония)
Stellantis (Нидерланды)	с Total (Франция)
Tesla (США)	с Panasonic (Япония)
Tesla (США)	с LG Energy (Южная Корея)
Toyota (Япония)	с Panasonic (Япония)
FAW (Китай)	с CATL (Китай)
Volkswagen (Германия)	с Northvolt (Швеция)
General Motors (США)	с Honda (Япония)
General Motors (США)	с LG Energy (Южная Корея)

Источник: наша реконструкция данных по журналистским источникам.

МИРОВЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛИ, 2021 год (% от общего объёма производства киловатт-часов)

1	CATL	Китай	32.5
2	LG Energy	Южная Корея	21.5
3	Panasonic	Япония	14.7
4	BYD	Китай	6.9
5	Samsung SDI	Южная Корея	5.4
6	SK Innovation	Южная Корея	5.1
7	CALB	Китай	2.7
8	AESC	Япония	2.0
9	Guoxuan	Китай	2.0
10	Peve	Япония	1.3
	Другие		5.9
	Весь мир		100.0
	Китай		44.1
	Южная Корея		32.0
	Япония		18.0

Источник: Elements, visualcapitalist.com.

Борьба с коронавирусом

Маленькие шаги сотрудничества в области здравоохранения

Одновременно с первой Международной санитарной конвенцией основные европейские державы достигли на конференции в Венеции в 1892 году многострадального соглашения о контроле за морскими перевозками в Суэцком канале, чтобы защитить Средиземноморский бассейн от прихода азиатской холеры. Однако пятая пандемия в 1892 году удивила Европу, придя с Востока по суше. В действительности же с начала XIX века различные волны прибывали как по морю, так и по суше.

Глобализация бактерий

В 1817 году, пишет Уильям МакНилл, тяжёлая эпидемия была перенесена по суше британскими войсками из основного очага в Калькутте в Непал и Афганистан. Военные и торговые суда в период с 1820 по 1822 год сделали всё остальное, распространив болезнь на Цейлон, в Индонезию, Юго-Восточную Азию, Китай и Японию. Она прибыла в Южную Аравию с британской военной экспедицией в 1821 году. Оттуда болезнь продолжила путь к восточному побережью Африки, Персидскому заливу, Месопотамии и Ирану, затем в Сирию, Анатолию и на побережье Каспийского моря. Между 1826 и 1832 годами холера распространилась из Бенгалии в Россию и с войнами достигла Балтики; отсюда – Англии и Ирландии; затем эмигранты завезли её в Канаду, откуда она перешла в Соединённые Штаты и Мексику. Азиатская болезнь, бывшая эндемичной в бассейне Ганга, покинула свои прежние пределы и к 1830-м годам стала «действительно всемирной болезнью» (William H. McNeill, "La peste nella storia", 1981).

Восьмая международная конференция по здравоохранению, состоявшаяся в Дрездене в 1893 году, была посвящена вопросам распространения инфекций по суше и рекам и завершилась подписанием второй конвенции. Новое соглашение, по сути, обязывало подписавшие его государства оперативно уведомлять о случаях холеры на своих территориях. Забота о торговле накладывала рамки на любые ограничения ввоза товаров или требования дезинфекции одежды. Прочие ценности и грузы свободно обращались. Пассажиры поезда могли быть задержаны только в том случае, если уже болели. Никаких планов наземных карантинных не устанавливалось.

Морские карантинные, предусмотренные предыдущей конвенцией, были сохранены, с добавлением специальных мер для судов, идущих вверх по Дунаю из Чёрного моря, особенно для судов, следующих из Одессы, хотя эта мера и встретила определённое сопротивление со стороны российской делегации (Говард-Джонс Норман. "Международные санитарные конференции, 1851–1938 гг. Научные и санитарные аспекты". ВОЗ. Женева, 1976.). Конвенцию подписали 10 из 19 стран-участниц. Остальные, включая Великобританию, оставили за собой право присоединиться к ней после консультаций с правительствами своих стран.

Даже в последнее десятилетие XIX века дискуссия об этиологии холеры оставалась ожесточённой, но к тому времени противники бактериальной теории уже были в меньшинстве. Тем не менее, влиятельные европейские и американские медицинские издания озвучивали скептическое отношение части научного сообщества. Тем временем по-

иски вакцины продолжались в Испании, во Франции в Институте Пастера и в России, где в Одессе проводил исследование Николай Фёдорович Гамалея (1859–1949), в честь которого впоследствии был назван известный Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии в Москве.

Однако с научной точки зрения восьмая конференция стала поворотным пунктом. Великобритания устами своего делегата подтвердила своё несогласие с морскими карантинными мерами, но не потому, что в Англии считали, что холера не передаётся от человека к человеку: напротив, «служба общественного здравоохранения Великобритании находится в совершенном соответствии с научным мнением великих наций, представленных на этой конференции». «Это заявление, сделанное 17 марта 1893 г., – отмечает Говард-Джонс, – было первым явным и официальным выступлением Великобритании в поддержку школы контрагонистов», пусть она и не отказывалась от противодействия карантинам.

Войска, товары и паломники

В следующем году по инициативе Франции в Париже прошла девятая международная конференция по здравоохранению, посвящённая исключительно паломничеству мусульман в Мекку. Проблема, разумеется, не была нова. Ранее данный вопрос периодически поднимался, например, на Константинопольской конференции в 1866 году, но никогда не рассматривался конкретно. После этой конференции на бумаге был создан Тегеранский международный санитарный совет, который должен был заниматься вопросами санитарного контроля в Персидском заливе и в котором также должны были участвовать делегаты из России и Великобритании. Однако Совет оставался «своего рода обществом медицины и гигиены», функционирующим на национальной основе, и испытывал недостаток финансирования.

Холера впервые появилась в Мекке в 1831 году, когда мусульмане начали осуществлять паломничество из Индии. Оттуда она распространилась во всех направлениях. «С тех пор и до 1912 года, – пишет МакНилл, – когда холера в последний раз вспыхнула в Мекке и Медине, эпидемии этой страшной болезни постоянно сопровождали паломничество мусульман. С 1832 по 1912 году они случались не менее сорока раз, то есть в среднем раз в два года». Паломничество в Мекку добавило новые маршруты к прежнему индийскому, и «подверженность [холере] людей, живущих за пределами Индии, стала хронической».

В 1905 году в египетском карантинном центре для паломников, прибывающих из Мекки, был выделен новый биотип холерного вибриона, который получил имя Эль-Тор в честь названия центра. Эль-Тор прочно занял место предыдущего штамма: он был менее вирулентным, но, поскольку имел многочисленных бессимптомных носителей, распространялся с большей лёгкостью (Frank M. Snowden, "History of Epidemics", 2020).

Доклады, представленные на конференции 1894 года, рисовали ужасающую картину. Во время самой серьёзной вспышки эпидемии в 1893 году дорога из Джидды в Мекку и сам город были покрыты гниющими трупами. По оценкам медицинского чиновника в Мекке,

из 200.500 прибывших паломников не менее 15 % умерли от холеры, не считая смертей от других болезней или теплового удара (Говард-Джонс, указ. соч.).

Скученность и плохие санитарные условия, в которых находились паломники со всего мира, способствовали распространению инфекции, и по возвращении верующие приносили холеру в места своего происхождения. Наиболее встревожены этой угрозой были те европейские страны, в колониальных владениях которых проживали миллионы мусульман (Великобритания, Франция, Нидерланды) или которые управляли мусульманским населением, например, Австро-Венгерская империя в Боснии и Российская империя в своей азиатской части. В целях защиты от передачи заболевания обсуждались санитарные нормы для судов, следующих через Красное море и Персидский залив. Последний, по собственному заявлению делегата англичан, был на 98 процентов британским.

Центральное место на конференции вновь заняло противостояние между французской и британской морскими державами. Член французской делегации сообщил делегату от Британской Индии, что, несмотря на неоднократные заявления о намерениях «улучшить санитарные условия в индийских городах», на субконтиненте наблюдается «значительный рост» числа случаев заболевания холерой. «Источник распространения холеры следует искать в Британской Индии. Европа не знала холеры до тех пор, пока Индия не стала владением Великобритании. Поэтому именно Британская империя должна нести ответственность за предотвращение вывоза инфекции». В ответ было выдвинуто обвинение в отсутствии медицинской статистики по французскому Алжиру и Индокитаю (Говард-Джонс, указ. соч.).

В конференции приняли участие 16 стран, на этот раз включая Соединённые Штаты. В результате была согласована третья конвенция, дополняющая венецианскую и дрезденскую. Паломники, возвращающиеся в Европу из Мекки, рассматривались как «особая угроза». В итоге до 1956 года паломничество регулировалось международным законодательством в области здравоохранения. Новая конвенция была подписана лишь тринадцатью государствами, причём некоторые из них закрепили множество оговорок относительно деталей правил. Американское предложение о применении такого же контроля к судам эмигрантов из Европы (и Италии, в частности) не получило продолжения. В реальности, ещё в 1897 году, по словам делегата Австро-Венгрии на десятой конференции Санитарная конвенция 1894 года оставалась «мёртвой буквой», поскольку в некоторых из стран, которые её разработали, не завершился процесс ратификации.

Старинный призрак

Девять международных санитарных конференций с 1851 по 1894 год были почти полностью посвящены холере, а также пользе карантинных и санитарных кордонов для защиты европейских государств от этой болезни.

Другие опасные заболевания, эндемические или эпидемические, заслуживали больше внимания в аспекте международного сотрудничества. Туберкулёз распространился по Европе и Северной Америке в течение XIX века

и достиг своего пика в начале XX века. Промышленная революция и урбанизация привели к тому, что рабочие «оказались в ветхих кварталах, [которые] обеспечивали идеальные условия для респираторных инфекций: перенаселённое жильё, сверхэксплуатация труда, плохая вентиляция помещений, мелкая пыль, недостаточная гигиена, снижение физической выносливости из-за бедности, недоедания и ранее перенесённых заболеваний» (Frank M. Snowden, указ. соч.).

Как и холера, туберкулёз также приобрёл измерение социальной болезни: в период с XIX по начало XX века от него умерло больше людей, чем от любого другого заболевания в индустриальных странах: настолько, что он рассматривался как «неизбежный результат процесса [развития] индустриальной цивилизации». На пике, в конце XIX века, по оценкам, инфицировано было 90 % городского населения Европы и Северной Америки. «Около 40 процентов смертей представителем рабочего класса в городах было вызвано туберкулёзом» (Библиотека Гарвардского университета, "Contagion: historical views of diseases and epidemics").

Помимо туберкулеза, хаос, особенно в кварталах рабочего класса, сеяли и другие инфекционные заболевания. Однако чума и холера – в просторечии их всегда объединяли для обозначения самых страшных бедствий – оставались самыми опасными болезнями. В конце XIX века паника старинной болезни вернулась в виде так называемой «третьей пандемии» чумы. Ей была целиком посвящена десятая конференция в Венеции в 1897 году, поставившая точку в полувеке маленьких шагов международного сотрудничества в области здравоохранения.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

Арриго Черветто

**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1**

2005, 796 страниц, суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-14-X

**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2**

2005, 736 страниц, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Токио переходит Рубикон контратакующего потенциала

Шестнадцатого декабря с принятием документов о национальной безопасности и оборонных политик, с обновлением «Стратегии национальной безопасности 2022» (СНБ) Токио даёт зелёный свет десятилетнему процессу перевооружения. Япония кардинально меняет свою оборонную политику, проповедуемую с 1950-х годов, – так называемое «единое видение» правительства Итиро Хатоямы, провозглашённое в 1956 году. В рамках того подхода признавалось конституционным владение вооружениями большой дальности, в том числе ядерным оружием, для использования в целях самообороны.

Тем не менее, как указывает японская пресса, применительно к этим двум типам вооружений Токио делал «политический выбор» не обладать ими. Так и принятие концепции *сэнсю боэй*, исключительно оборонительной военной политики, которая подразумевала выделение на военные расходы 1 % ВВП, была политическим выбором в пользу «самоограничения». Эти решения рассматривались как обращённая к соседним странам – и не только Китаю – «гарантия» если не пассивной военной роли Токио, то во всяком случае вторичной по отношению к его экономической роли. Более того, во внутренних дебатах начиная с 50-х годов такое ограничение было выражением частичного отказа от суверенитета в рамках отношений с США, которые мы определили как «вынужденные, асимметричные и нежелательные». Фактически это были «удушающие объятия» Вашингтона и Токио¹.

Стратегическое решение и азиатское перевооружение

Японская и международная пресса называет новую СНБ Токио «исторической», как в практическом плане, учитывая обеспечение значительного ракетного потенциала, так и принимая во внимание решение о десятилетнем планировании военной политики. Япония собирается потратить 315 млрд долл. в первые 5 лет, чтобы к 2028 году увеличить долю военных расходов до натовского стандарта в 2 % ВВП. Согласно *Financial Times*, Страна восходящего солнца «разрывает пацифистскую конституцию» послевоенного периода в ответ на собственные страхи перед военным восхождением Китая, ракетной и ядерной программой Северной Кореи и российским вторжением на Украину. Последнее можно рассматривать – подобно немецкому решению о перевооружении – как фактор ускорения процессов принятия решений в Токио. На самом деле это лишь доведение до логического конца процесса, происходившего почти 30 последних лет и отмеченного постепенными преобразованиями, в основном институционального характера. На страницах СНБ политический поворот характеризуют как неизбежный перед лицом «изменения регионального и международного баланса» в условиях «глубоких потрясений мирового порядка».

23 февраля *Nikkei* опубликовала статью, в которой, комментируя данные SIPRI, подчеркнула, что с 2010 по 2020 год параллельно с экономическим ростом Азии военные расходы в регионе выросли на 52,7 %; в Европе рост составил 15 %, а в Северной Америке произошло сокращение на 10,6 %. Азиатские страны имеют, од-

нако, возможность дальнейшего увеличения расходов, «учитывая, что тратят меньшую долю ВВП, чем другие великие державы».

По словам одного из редакторов СНБ и президента комиссии по обороне в японском парламенте Маэто Оники, основной фактор – «китайская военная модернизация»: «Вокруг Японии существует значительная концентрация великих держав и военной активности». Пекин «широко и быстро укрепил свою военную мощь, основанную на ракетном и ядерном потенциале, а также на потенциале к воздушно-морской войне». Как утверждала *Nikkei*, часто «гонки перевооружений перетекали в крупные военные конфликты»: в пример можно привести «англо-немецкую гонку военно-морского перевооружения, когда строились линкоры класса «Дредноут», эквиваленты сегодняшних супер-авианосцев».

По мнению консервативной газеты «Ёмиури Симбун», СМИ-линкора Страны восходящего солнца, стратегическое решение, закреплённое в СНБ, учитывает невозможность сохранения прежнего подхода, основанного на разделении ролей внутри альянса с Вашингтоном, в рамках которого наступательный потенциал был доверен США с сохранением «оборонительного» в руках Японии. Это разделение больше нельзя поддерживать как по причине восхождения китайской державы, так и из-за сомнений азиатских стран в американской способности их защищать.

«Видимое сдерживание»

Японский план укрепить «видимое сдерживание» основывается на обладании ракетами большей дальности – от 1.500 до 2.500 км, – как крылатыми ракетами собственного производства, так и прошедшими боевое крещение во время войны в Персидском заливе 1991 года американскими ракетами BGM-109 «Tomahawk», приобретение которых сейчас обсуждается с Вашингтоном. Почти треть пятилетнего оборонного бюджета, то есть около 100 млрд долл. по текущему курсу, будет потрачено на исследование, разработку и создание новых ракет, на покупку «Томагавков» – их легко приспособить к японским сухопутным и морским пусковым установкам, в том числе установленных на подводных лодках, – на массивное усиление «потенциала к активной обороне в киберпространстве» и на укрепление и обновление физической военной инфраструктуры (портов, аэропортов, военных баз, складов вооружений).

Токио стремится также расширить свой флот спутников-разведчиков и развить интегрированную систему ПВО и ПРО. В институциональном плане намерен провести реформу военного командования, введя должность командующего объединённым Генеральным штабом по американской модели, который должен координировать различные виды войск, а также пост первого военного советника при премьер-министре. Можно отметить, что Токио видит свой ракетный потенциал как стратегический ресурс под контролем исполнительной власти, что похоже на французскую *Force de frappe* и на китайскую модель, хотя и постоянно повторяет, что сохранит арсенал целиком конвенциональным.

Согласно планам, Япония обеспечит себя многогранной и гибкой системой, похожей на так называемую ядерную триаду: размещение ракет на земле, в воздухе и на море. В этом смысле она укрепит свой скрытый ядерный потенциал, от которого пока что стремится «воздержаться». Получение ядерного оружия Токио уже давно рассматривает в качестве «крайней меры».

Стратегическая осторожность

В стратегических терминах желание укрепить национальную составляющую собственного ракетного потенциала означает, что Токио может политически использовать её как для укрепления интегрированного сдерживания в рамках альянса с США, усложняя китайские военные расчёты, так и для влияния на расчёты американского союзника. Как отмечает британский политолог Питер Хенесси, подобной линии с 1970-х годов придерживается Лондон, сохраняя для собственного военно-морского ядерного потенциала «список из двадцати задач, отдельных и независимых» от установленных в рамках НАТО и совместно с США. Цель этого шага – иметь возможность в некоторой мере обуславливать американские решения (*“The Silent Deep”*, 2015; *“The Secret State”*, 2010).

Итиро Фудзисаки, бывший посол Японии в США, пишет на страницах *Washington Post*, что Токио желает ограничить свои военные расходы, стараясь «не покупать вооружения для ответного удара»: «Однако ситуация, которая его окружает, делает это более невозможным. Многие считали, что война осталась в XX веке, но теперь она возвращается». Согласно американскому видению, как передаёт та же *Washington Post*, японский поворот пользуется полной поддержкой США, которые считают Страну восходящего солнца «ключевым партнёром» в Тихом океане в рамках собственной региональной стратегии. Последняя включает в себя также «устранение ограничений в плане дальности баллистических ракет Суэла» и соглашение AUKUS – предоставление Вашингтоном и Лондоном Австралии ядерных подводных лодок. Этот договор Канберры хотела бы расширить на Токио – во всяком случае в том, что касается совместного производства ракет большей дальности.

Если Япония доведёт свой военный бюджет до 2 % ВВП, то она станет третьей мировой военной державой. Размеры ежегодного перевооружения, если переводить иены в доллары, колеблются от 70 до почти 100 млрд долларов. По словам американского чиновника, «покупка Японией четырёхсот или пятисот «Томагавков»» станет сигналом для Китая и Северной Кореи, свидетельствующим о «серьёзности японского перевооружения» и укреплении японо-американского альянса. Источники в Токио усматривают политическое значение для альянса: «До сегодняшнего момента «Томагавки» были проданы только Великобритании. Продавая их и Японии, Вашингтон отправляет Токио сообщение, что считает Японию одним из важнейших союзников и одной из наиболее надёжных стран. Это политически значительный жест, [даже если Токио рассматривает ракеты как] оборонительно-наступательную [систему вооружений], а не как наступательно-наступательную:

для нас она всё ещё оборонительная». И «Ёмиури Симбун», и *Nikkei* пишут, что в расчёты Страны восходящего солнца входит «относительный американский упадок» и идея обусловить военную вовлечённость США в Азии. Эту стратегию можно охарактеризовать как *хеджирование*, или же «осторожность», «перестраховку».

Избирательные выравнивание и разрыв?

Основная критика, которую высказывают против СНБ, к примеру, левостраннистские либеральные издания «Асахи Симбун» и «Маинити Симбун», заключается в «тесном выравнивании» военных политик двух стран в антикитайском ключе, хотя по вопросу Пекина национальные и стратегические интересы Токио и Вашингтона не «совпадают полностью». Как и Берлин, Токио не соглашается с экономической и технологической стратегией *декаплинга* от китайского рынка, проводимой Вашингтоном. Согласно *The Economist*, в геоэкономическом плане Токио хотел бы усидеть на двух стульях: создать высокотехнологичные консорциумы вроде *Rapidus*, *совместного предприятия* между правительством и девятью промышленными и банковскими группами, нацеленного на разработку полупроводников нового поколения отдельно от Китая, а также создать отдельные производственные цепочки для китайского и западного рынков. По мнению «Ёмиури Симбун», речь идёт о возможности отчасти вернуть утерянное первенство в этом секторе; упадок был частично вызван «торговыми трениями» с США в 1980–1990-е годы. То же относится к совместному с Лондоном и Римом производству истребителя шестого поколения «Tempest» – первое оборонное соглашение с неамериканскими группами. В 1980-е годы Вашингтон ограничил развитие «отечественного истребителя».

Что касается финансирования перевооружения, то премьер Фумио Кисида, похоже, сумел навязать решение, которое использует общее налогообложение, а не преимущественно долг. Объяснение: такая политика должна обладать «постоянными фискальными ресурсами» и рассматривается общественным мнением как «необходимая». Стоит отметить ещё одно измерение – наследие поражения 1945 года для Токио, невозможность финансирования перевооружения в долг, как это было в 1930–1940-е годы. Более того, как пишет *Financial Times*, крупные группы должны помогать «государству защищать их собственные офисы и фабрики». Пока что, однако, для Кисиды возможным путём является использование программы социальных отчислений, запущенной в 2011 году в целях реконструкции пострадавших от цунами регионов, чтобы таким образом увеличить НДС.

По словам японских СМИ, проблема состоит в том, чтобы найти нужную связь перевооружения и долга, иными словами, как сделать перевооружение совместимым с финансовым положением в условиях демографического упадка. Дело не из лёгких.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2015. С. 64–68.

Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма

Континентальные государства и революции

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Джулио Мотози *“Democrazia imperialista in Cina”*.

В книге “Политическая оболочка” Арриго Черветто ясно излагает ленинистскую теорию познания: Маркс и Энгельс положили в основу материалистической теории познания «критерий практики»¹. Этот критерий, указывает Ленин, никогда не может полностью подтвердить или опровергнуть концептуальное представление, но он всегда будет достаточно определен, чтобы можно было вести борьбу.

В принципе в ленинистской концепции познания характерным можно считать именно *критерий борьбы*. Без проверки борьбой всякое теоретическое размышление обречено оставаться бесплодным. “Политическая оболочка” прояснила для целого поколения итальянских милитантов не только инструменты, но и основные причины, по которым марксисты анализируют политические формы, и это если мы говорим непосредственно о самом тексте, если же рассматривать последовавшую за книгой серию передовиц, то это будет касаться ещё и следующего поколения. Это был жизненно важный инструмент для развития ленинистской партии в итальянской метрополии, и он останется таковым для тех, кто намерен противостоять беспрецедентной ситуации в Европе. Черветто пишет: «Если марксизм анализирует политические формы, то потому, что он является не простой наукой, а наукой классового действия, наукой пролетарской революции».

Борьба между классами принимает многообразные политические формы, но для раскрытия их содержания Марксу не нужно было их учитывать: «[Именно] потому, что Маркс исключил политические формы из своего анализа капитала, ему удалось открыть закон движения общества и неустрашимого антагонизма, который таится в его недрах». И ещё: «Когда враги марксизма обвиняют Маркса, что у него нет теории политических форм, нам становится просто смешно. По двум простым соображениям, которые полностью закрывают разговор. Первое: даже если бы это было верно, марксизм не нуждался бы в ней в долгосрочной перспективе. Второе: это не верно, поскольку марксизм нуждается в ней в краткосрочном плане»². В другом отрывке Черветто пишет: «Теоретическая проблема всегда, в определённый момент, становится вопросом практическим. Учение о государстве становится практической позицией по отношению к государству»³.

Мы напоминаем об этом потому, что вопрос о политических формах, естественно, будет иметь решающее значение для любой китайской рабочей формации. Мы не знаем, как она сможет организовать, какие у неё будут интернационалистские теоретические ориентиры и какая способность к классовой автономии, но задача европейского ленинизма будет состоять в том, чтобы как можно интенсивнее вести борьбу с европейским империализмом и сделать доступными все инструменты – теоретические, политические и организационные – для решения этого практического вопроса о государстве в эпоху держав континентального масштаба.

Обращаясь к полемике, которую Ленин вёл с империалистическим экономизмом Юрия Пятакова, Черветто отвергает существование закона “политической концентрации” и делает замечание: «Если бы был закон “политической концентрации”, имела бы место концентрация крупных государств. Стратегически последствия для международного пролетариата были бы огромными»⁴.

Неприятие этой карикатуры на закон образования крупных государств позволило нам на основе указаний Ленина распознать в процессе европейской интеграции империалистическую «реакцию» Европы на конфронтацию с Соединёнными Штатами в XX веке и империалистический характер восхождения азиатских гигантов в новом веке. Развитие этого анализа можно найти в книге Гуидо Ла Барберы *“L'Europa e lo stato”* (“Европа и государство”), выпущенной в 2006 году издательством Lotta comunista, где указывается, что отсутствие закона политической концентрации не исключает появления государств континентального масштаба в качестве результата, определяемого историческими условиями мирового противостояния.

«Что касается европейского процесса, то рассмотрение конкретно-исторической ситуации показывает, что на протяжении полувека одной из форм политической борьбы, которая на Старом континенте выражала интересы крупнейших европейских империалистических группировок и принадлежащих им надстроек, является тенденция к объединению. [Это явление] не носит характера закона – между империалистическими державами это произошло впервые, но конкретное рассмотрение конкретной ситуации империалистического противостояния в Европе показывает, что существует государственно-политическая борьба, которая определяет множество надстроек континентального характера».

Этот процесс продолжался на протяжении десятилетий, под давлением кризисов новой стратегической фазы и нового усиления напряжённости, но сегодня линия противостояния европейскому империализму становится решающим фактором сражения за укоренение ленинистского меньшинства в Европе. Другое наблюдение касается Китая, который фактически был одним из «крупных государств» ещё до своего империалистического созревания.

Никогда прежде вопросы о государстве и стратегии не ставились перед революционной партией на уровне противостояния между континентальными империалистическими державами, и этот факт, являющийся существенным признаком разворачивающейся ныне новой стратегической фазы, должен учитывать и китайский пролетариат. Какими путями пойдёт классовая борьба в этой континентальной державе; будут ли революционные процессы, гражданские войны и политические столкновения на этой огромной территории в диалектике между центром и провинциями, между внутренними и внешними силами следовать уже известным закономерностям или пойдут своими оригинальными путями; какие уроки китайское революционное меньшинство извлечёт из международного опыта – вот лишь некоторые из важнейших вопросов завтрашнего дня. Ход мировой классовой борьбы привёл к тому, что именно авангарду европейского пролетариата выпало восстать и развить *партию-стратегию* и укоренить её в империалистической метрополии. Решение этой задачи послужит новым поколениям революционеров всех стран, а, значит, и китайскому пролетариату тоже.

От Маркса до Ленина и Троцкого – все великие революционеры придавали Китаю стратегическое значение, которого он заслуживает. В видении Маркса и Энгельса историческое столкновение с Англией втянуло это “живое ископаемое” в процесс освоения Тихоокеанского бассейна и подтвердило всеобщность законов развития капитализма, заложив в то же время предпосылки исчерпания его

исторической роли в последовательности способов производства разделённо-го на классы общества.

Ленин не преминет отметить, что капиталистическое развитие породило в Китае те же самые классы и их фракции, которые Маркс изучал в Европе. История буржуазии, которая по своей природе является международной, началась и в Китае. Основным научным подходом к её изучению будет анализ истории взаимоотношений между буржуазными фракциями и политическими течениями в диалектике их общих и частных интересов, впервые продемонстрированный Марксом в “Классовой борьбе во Франции”. Примером плодотворного применения этого подхода является записка Черветто для Расширенного национального центра от марта 1980 года.

Речь идёт о «применении материалистической концепции полтики на итальянской почве, где [было] сделано очень мало предыдущей работы». Черветто отмечает: «Вообще, кроме некоторых обобщений, касающихся, например, “аграриев”, “тяжёлой промышленности” и т. д., исторические основания для анализа буржуазных фракций отсутствуют, как и фактический анализ соотношения между буржуазными фракциями и политическими течениями. В экономической истории недостатка нет, даже если она зачастую фрагментарна и неполна. Но без истории соотношения фракций и течений невозможно сделать фундаментальный научный анализ».

Далее следуют два методических указания: «Не зная исторических особенностей, рискуешь впасть в объективизм и механицизм (пример: тяжёлая промышленность имеет объективный интерес к войне. Он выражается в политическом течении X. Но почему не в течении Y?). Поэтому наша работа является новаторской. Всегда остаются возмущающие пробелы, которые будут преодолены с изучением и проверкой новых материалов». И далее: «Исторический анализ и анализ конъюнктуры – вот задача ленинистской партии в процессе развития метрополии и развития самой партии. Если она её решает, то получает прочную научную основу, в противном случае она обречена на максимализм, пустой механицизм, бесплодное повторение». Черветто отмечал, что не существовало, например, итальянского аналога “Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта”, но то же самое можно сказать и о Китае. Однако возникла необходимость реконструировать хотя бы основные сражения в этой стране путём расстановки наиболее важных фракций и течений.

Учитывая континентальный масштаб Китая, речь обязательно должна идти о региональных фракциях и течениях. Более того, то же самое происходило и в Европе, если абстрагироваться от континентального масштаба и сконцентрироваться на образовании отдельных европейских государств, подумать о рейнско-индустриальном, прусско-юнкерском или южном мелкобуржуазном вариантах развития Германии. В случае Китая материалами для анализа являются процессы образования капиталистических анклавов вокруг “договоров” о портах и железнодорожных концессий, движения с юга на север и обратно в войнах за национальное объединение, а также региональная раздробленность течений Гоминьдана и КПК. Все эти элементы нужны для анализа последовательных экономических и политических сражений внутри единой государственной оболочки, в настоящее время обуславливаемых отношениями в рамках мирового капиталистического развития.

В свою очередь, фракции и политические течения всегда ищут выражения

в видимых надстройках, преобразуют эти надстройки, наполняют их и даже создают новые внутри китайской политической оболочки. В Китае после 1949 года эти течения в основном зарождаются в провинциальном, военном и множестве других аппаратов партии-государства, что представляет собой оригинальное сочетание властей – нечто среднее между моделями Москвы и Запада с его разделением властей, – но недавнее повсеместное утверждение монетарной власти и средств массовой информации коснулось в том числе и Китая. В какой-то момент китайские течения использовали даже железнодорожный аппарат: во время “культурной революции” одни из них строили новые мощности, а другие сносили.

Речь идёт об исследовании этих процессов с помощью наших инструментов марксистского политического анализа *плюрализма надстроек*, выкованных в “Политической оболочке”, опирающихся на концепцию *империалистической демократии* и развитых в *“L'Europa e lo Stato”*, в битве за создание ленинистской партии в европейской метрополии.

Одна группа закономерностей должна применяться для определения и спецификации элементов плюрализма китайских надстроек; прослеживания их исторического развития сквозь прежние надстройки, являющиеся наследием тысячелетней истории и трансформированные капиталистическим противостоянием, в пределах дуги колебаний, определяемой господством мирового рынка; определения влияния случая и конкретных политических обстоятельств на темп и степень эффективности установления политических связей. Другая группа – для анализа *вариаций и градаций империалистической демократии* в понятиях многообразия разнородных форм, отклонений, побочных, частичных, временных, удушающих или даже потенциальных форм, учитывающего реальные образцы форм централизации плюрализма сил, которые породил империализм в XX веке. Всё это позволит уйти от схематичного ответа на вопрос, является ли Китай *империалистической демократией*, так как действительным ответом будет анализ самого процесса, который детерминирует возникновение различных форм политического несоответствия и который идёт именно путём противоречий, отклонений, вариаций, скачков, катастроф и так далее.

Указание на необходимость изучения *эмпирических обстоятельств*, лежащих в основе этих вариаций и градаций, исходит прямо из “Капитала” Маркса, и в число этих обстоятельств могут быть включены и войны. Наконец, подытоживая, но не претендуя на окончательность, можно сказать, что изучение закономерностей разграничения и централизации государственной власти, не ослабляемой, а лишь совершенствуемой плюрализмом и балансом властей, является решающим условием для анализа централизации плюрализма сил в современных державах и, в частности, для понимания закономерностей утверждения монетарной власти.

Вот методологические предпосылки для исследования политических закономерностей китайской континентальной надстройки, начиная с роли отдельных провинций и заканчивая китайскими теориями властей.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 18. С. 145.

2 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 61.

3 – Там же. С. 6.

4 – Там же. С. 164.

Плюрализм надстроек и исторические материалы китайского Дракона

В “Политической оболочке” Арриго Черветто связывает идейный скачок Маркса от демократии к коммунизму с его научным открытием того, что экономика детерминирует политику и, как следствие, с осознанием возможности построения партии-науки. «Посредством теории обусловленной воли Маркс преодолел примат политики, а следовательно, также и демократию. В теории детерминированности политики, а, следовательно, и политической воли, политического действия, той же воли к действию, Маркс заложил научную основу реального политического действия, основу политической науки. Если политическая воля обусловлена, то действительной политикой будет та, которая обладает научным осознанием обусловленности»¹.

В “Немецкой идеологии” Маркс и Энгельс пишут: «Так как государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой всё гражданское общество данной эпохи находит своё сосредоточение, – то из этого следует, что все общие установления опосредствуются государством, получают политическую форму»².

С материалистическим открытием того, что экономические интересы классов определяют соответствующие политические формы, появляется возможность научно исследовать государство и всю политическую жизнь в целом. Партия-наука на протяжении поколений выковывает теоретические инструменты для исследования всего плюрализма политических надстроек.

Политическая борьба в Европе и целый калейдоскоп образцов политических форм находились под самым пристальным вниманием материалистического анализа Маркса и Энгельса. Концептуальная схема плюрализма и баланса сил наконец нашла своё научное воплощение. Черветто пишет: «С точки зрения марксизма, существует многообразие экономических сил, которые становятся силами политическими. Власть является таковой, если она имеет реальную основу, то есть если она представляет реальную экономическую силу. Равновесие властей является, следовательно, равновесием политических волей буржуазных фракций в рамках определённых специфических институтов. Многообразие экономических сил капиталистических групп и равновесие их политических волей в государстве – вот чистая политическая форма, демократическая форма общественного капитала»³.

Само собой разумеется, что раз от разу приходится анализировать политические формы не в их чистом виде. Так было с вариациями и градациями империалистической демократии в процессе её неравномерного утверждения в XX веке, а также с беспрецедентным сочетанием национальных, конфедеральных и федеральных властей в процессе европейской интеграции. То же самое относится и к специфическим, особенным формам политической власти буржуазии в Китае.

В книге “L’Europa e lo stato” концепция плюрализма надстроек соседствует с соображениями Черветто о кризисе парламентаризма, который усугубил итальянское нарушение политического равновесия: он показал, как местная буржуазия, столкнувшись с неэффективностью парламентских партий, нашла «другие инструменты» осуществления политической власти,

включая католическую церковь и средства массовой информации. Характерной чертой этой работы является исследование всего множества политических надстроек.

«Концепция плюрализма надстроек позволяет различать в государстве и в более общем плане в общественной жизни плюрализм инструментов, посредством которых осуществляется политическая власть. Она также позволяет приветствовать под своим теоретическим зонтиком новые, постоянно меняющиеся формы такой власти, которые в противном случае ускользнули бы от анализа, который лишь схематически задерживался бы на уже известных проявлениях господства буржуазного государства».

Таким образом, это понятие обладает собственной динамической способностью, позволяющей охватить как множество форм нарушения равновесия, так и различные формы его восстановления».

Это жизненно важный инструмент для исследования китайской политической оболочки, «определённых и специфических» форм, в которых проявляется плюрализм волей китайской буржуазии, и форм буржуазной политической власти, частично отличающихся от институциональных традиций старых держав.

В Китае существует «баланс сил», «баланс определённых и конкретных выражений политических волей буржуазных фракций», и необходимы постоянные исследования, чтобы определить и конкретизировать его. Существует «плюрализм надстроек», происхождение и развитие, функционирование и использование которых в политической борьбе также необходимо исследовать.

Необходимо использовать и другие инструменты, описанные в “L’Europa e lo stato”, а именно инструменты, выработанные при анализе плюрализма европейских надстроек. Следует искать общую закономерность в процессе детерминации несоответствия политических надстроек экономическому базису.

Понятие несоответствия, или недостаточности, частичного или отсроченного приспособления политических форм к экономике, взято из разработок, приведённых в “Политической оболочке”, как один из аспектов всеобщей закономерности диалектики базиса и надстройки, вернее, как «одна из закономерностей метаболизма, в соответствии с которыми происходит детерминация»: «Экономика определяет политику только через процесс, динамику, фактически диалектику, в которой она является правилом, законом движения, который в известной степени определяет даже политическую эволюцию, не соответствующую экономике».

В другом отрывке, опирающемся на работу Черветто “Неравномерное политическое развитие”, рассматривается несоответствие в рамках определённой дуги колебаний. Здесь процесс детерминации несоответствия определяется внутри политического нарушения равновесия и уточняется как «условное нарушение равновесия», и речь идёт о динамике мирового рынка и том, как она отражается на отдельном государстве (в “L’Europa e lo stato” речь идёт об итальянской метрополии, мы же сконцентрируемся на молодом китайском капитализме, а затем и китайской империалистической державе), как порождает процесс обуславливания и ограничивает дугу его колебаний. «Детерминация не происходит механически,

но несоответствие колеблется в тех пределах, которые детерминируются экономикой, средством и выражением которой оно является». Таким образом, можно увидеть действительный процесс детерминации китайских политических форм мировым рынком: в то время как в ходе конкретной борьбы в Китае начал оспариваться процесс всемирного распространения и утверждения империалистической демократии, тем не менее дуга колебаний всё равно определялась различными формами внешнего принуждения, которые, конечно, не механически диктовали политические формы в Поднебесной, но обуславливали их приспособление в процессе, опосредованном политико-государственной силой молодой державы. Вспомните реформу монетарной власти перед вступлением Дракона в ВТО, формирование китайского антитраста или процесс модернизации законодательства.

Основным детерминирующим фактором являются связи с мировым рынком, но есть и другие, которые, в свою очередь, вызывают к жизни процесс детерминации несоответствия. «Неравномерное политическое развитие испытывает влияние наследия всех идеологий, политических форм, соотношений сил, государственных надстроек предшествующей истории. Через эти надстроечные эффекты вынужден пробиваться детерминирующий экономический фактор, то перерабатывая и заново комбинируя старые материалы, то подвергаясь налагаемым ими ограничениям, то ломая или подавляя их, то наполняя их новым содержанием». Так было и в китайской истории.

Формированию плюрализма мандаринов способствовали многочисленные и разнообразные исторические обстоятельства. Анализ должен учитывать элементы исторического наследия, влияющие и дифференцирующие политические формы: «Фактором возникновения несоответствия является закономерный процесс детерминации политики экономикой, проходящий через трансформацию и переработку прежнего надстроечного наследия. Именно этот политический процесс дифференцирует формы и градации исторических политических условий, анализируемые марксизмом при помощи инструментов сравнения и научной абстракции чистых политических форм».

Можно вспомнить оригинальное сочетание партийных структур, заимствованных у КПСС и сталинистского СССР – комплекс инструментов российского государственного капитализма, уже приспособленных к континентальному масштабу, – и старых центральных и местных структур, унаследованных от Срединной империи, таких как традиция странствующих мандаринов и имперских посланников в самые важные провинции; формирование в XVIII веке имперского «Великого совета», наряду правительством и министрами выполнявшего функцию централизации и расположенного над ними; система докладных записок, собираемых центром; система экзаменов при отборе квалифицированного политического органа и так далее (Fairbank J. *The Great Chinese Revolution*, 1986). Всё это – инструменты централизации державы континентального масштаба, которые будут собраны и преобразованы в плюрализм мандаринов как специфическое выражение чистой политической формы централизации плюрализма волей китайской буржуазии, сформировавшееся в гор-

ные борьбы, которая продолжается от падения династии Цин до утверждения КПК, и совершенствующееся в последующие десятилетия. То же самое можно сказать и о политических формах, заимствованных у западных держав и привнесённых в Китай через японское влияние и деятелей буржуазно-демократической революции, являвшихся членами как Гоминьдана, так и КПК.

Обширную выборку надстроечных закономерностей, через которые прокладывает себе дорогу детерминирующий экономический фактор капиталистического развития, необходимо рассматривать в диалектическом духе. В “Политической оболочке” Черветто критикует многопричинный эклектизм: «Тезис о взаимодействии между экономическим базисом и надстройкой порой интерпретировался в терминах релятивизма и двойной причинной связи. Напротив, это глубокий пример материалистической диалектики и, поскольку мы ведем об этом речь, науки политики. Он объясняет реальный процесс, то есть сложную экономическую детерминированность политики. Эта детерминированность реализуется не потому, что экономический фактор является единственно определяющим. В этом случае это была бы не детерминированность, а органическое совпадение в силу того, что всё было бы базисом, экономикой, экономической структурой. Напротив, детерминированность реализуется потому, что надстройка реагирует, придавая форму, но не содержание, долгосрочной исторической борьбе»⁴.

Именно диалектика позволяет нам увидеть, что существует «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления, – говорит Ленин, – связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения»⁵. Черветто пишет: «Взаимодействие всех базисных и надстроечных факторов создаёт бесконечную массу несущественных или случайных причин, поэтому именно через надстроечные и политические факторы “экономическое движение как необходимое в конечном счёте прокладывает себе дорогу”, то есть в качестве закономерного и причинного элемента перед лицом случайностей и возможностей»⁶.

И утверждение капитализма в Китае – как раз один из примеров, выбранных Черветто для комментария к этому пассажию в докладе от 26 ноября 1987 года. Черветто проводил сравнение с историческими случаями утверждения буржуазии в Англии и Франции. Как известно, Английская революция разворачивалась в религиозном облачении, а идеологемы главных героев Французской революции отсылали к римской истории. «Но как объяснить, что способ производства выражает себя именно таким образом? Это объясняется посредством диалектического видения», – отвечал Черветто и добавлял, что это относится и к феномену китайского народничества, наличие которого позволило «начать буржуазно-демократическую революцию».

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 16.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 63.

3 – Черветто А. Указ. соч. С. 45.

4 – Там же. С. 41 (перевод исправлен).

5 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 55.

6 – Черветто А. Указ. соч. С. 41–42.

Крупные группы Китая

Дракон охотится на редкие металлы

«На Среднем Востоке есть нефть. У Китая есть редкоземельные металлы», – сказал Дэн Сяопин в 1992 году во время своей «поездки на юг», которая была призвана придать новый импульс открытию и взлёту Китая. Внимание было сосредоточено на прибрежных провинциях, но также и на внутренних ресурсах, на «залежах прибавочной стоимости», то есть на рабочей силе, вырванной из сельской местности, и месторождениях полезных ископаемых Жёлтого Китая.

«Редкоземельные элементы» – это семейство из 17 элементов, заслуживших титул «королей зелёных металлов» благодаря своим «удивительным электромагнитным, оптическим, каталитическим и химическим свойствам»: лантан, церий, празеодим, неодим, прометий, самарий, европий, гадолиний, тербий, диспрозий, гольмий, эрбий, тулий, иттербий, лютеций, скандий и иттрий. Вместе с другими металлами, которые считаются «редкими» – всего около 30, согласно списку, составленному Европейской комиссией, – они являются значимой частью идущего сегодня всемирного сражения в рамках электрической и цифровой реструктуризации. Речь идёт об «энергетическом переходе к более эффективному использованию сырьевых ресурсов», как назвала этот процесс *Financial Times*.

Добыча редкоземельных металлов

В действительности редкие металлы присутствуют повсюду в земной коре, но «редкими» они называются потому, что в природе встречаются в незначительных пропорциях вместе с более распространёнными металлами, от которых их приходится отделять. Так, для получения 1 кг церия, используемого в катализаторах, требуется 16 тонн породы; 50 тонн необходимо для получения 1 кг галлия, используемого в производстве полупроводников и низкоэнергетических ламп; целых 200 тонн – для получения 1 кг лютеция, применяемого в ядерной медицине. Небольшой объём производства при высокой цене. Для добычи из земли, осуществления физических процессов, необходимых для получения руды с более высокой концентрацией редкого металла и тем более для рафинирования и химических процессов по выделению чистого металла требуется сложный комплекс горнодобывающей промышленности: чтобы получить всего нескольких килограммов редкого металла, необходимо использовать десятки кубических метров воды и выкопать, транспортировать, раздробить, физически разделить и химически рафинировать тонны породы.

В связи с этим требуется несколько циклов рафинирования, сопряжённых с большими затратами времени и энергии. Неудивительно, что в последние десятилетия предпочтение отдаётся поиску месторождений с более высокой концентрацией искомого элемента в странах с более низкой стоимостью рабочей силы и возможностью более интенсивного «воздействия на окружающую среду» вдали от крупных империалистических метрополий. В частности, во Франции, этом «спящем гиганте горнодобывающей промышленности», по выражению бывшего министра иностранных дел страны Юбера Ведрина, использованному в предисловии к книге журналиста Гийома Питрона «*La guerre des métaux rares*» (2018), добыча, по сути, даже и не начиналась. В США, крупнейшем производителе до 1980-х годов, добыча практически прекратилась. Сегодня рост геополитической напряжённости подталкивает государства вновь обратить внимание на полезные ископаемые на собственной территории.

«Мы должны положить конец нашей долгосрочной зависимости от Китая и

других стран в производстве сырья, которое будет питать будущее», – говорил Джо Байден, призывая в конце марта задействовать «*Defense Production Act*». Цель состояла в поддержке добычи «критически значимых минералов» для производства батарей электромобилей и долгосрочного хранения энергии – «лития, никеля, графита, кобальта и марганца» (*New York Times*, 31.03.2022). Здесь глобальную цепочку поставок контролирует Китай.

В период с 1990-х по 2010-е годы китайский Дракон добывал 85 % и перерабатывал 95 % редкоземельных металлов, но именно в последние годы их применение резко возросло. Если задуматься о количестве металлов, используемых в промышленности, то мы не слишком ошибёмся, сказав, что в XX веке было 10 основных, в 1970-е годы – 20, в то время как сегодня их более 80-ти («*Atlas mondial des matières premières*», 2020). Можно также вспомнить о редкоземельных элементах массой до нескольких килограммов, содержащихся в современных автомобилях. Это относится и к самым распространённым потребительским товарам – от компьютеров и электроники до мобильных телефонов.

Редкие металлы оказались незаменимыми в новых цифровых устройствах, поскольку их полупроводниковые свойства позволяют модулировать электрический поток. Другой показательный пример – электродвигатели: «при одинаковой мощности редкоземельный магнит в сто раз меньше железного» (Г. Питрон, *указ. соч.*). Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем миниатюризацию двигателей, которые могут быть использованы в рамках огромного количества новых функций, а с другой – резкий рост мощности электродвигателей. Китай с его гигантами горнодобывающей и перерабатывающей промышленности, а также производственных отраслей, смог воспользоваться моментом и использовать некоторые созданные технологиями побочные эффекты.

Полюса Цзянси и Внутренней Монголии

Как и в случае с процессами концентрации в других отраслях экономики Китая, консолидация горнодобывающей промышленности следовала географическим и историческим линиям разлома между севером и югом страны. Ключевая компания *China Northern Rare Earth* ведёт деятельность во Внутренней Монголии, где расположены крупнейшие рудники, производящие большую часть китайских, а значит, и мировых редкоземельных металлов. В провинции Цзянси в прошлом году была консолидирована *China Rare Earth Group*, образованная в результате слияния *China Southern Rare Earth Group*, *China Minmetals Rare Earth* и *Chinalco Rare Earth & Metals Co.* из группы *Aluminum Corporation of China*, с долей в производстве редкоземельных металлов в Китае около 40 % (*Nikkei*, 24.10.2021).

За пределами Китая идёт большая охота за редкоземельными металлами, в которой участвуют и крупные добытчики цветных металлов. Ниже мы приведём названия некоторых из новых горнодобывающих подразделений.

Африканский забег

China Nonferrous Metal Mining Group Co. (CNMC) с оборотом более 16 млрд долл. инвестирует в добычу меди, алюминия, цинка, никеля, тантала, ниобия и бериллия. Основные рудники расположены в Замбии, Монголии, Таиланде и Лаосе, но компания представлена в 80 странах. В Замбии в 2003 году был введён в эксплуатацию первый китайский рудник по добыче цветной руды. В Монголии добывают цинк, в Мьянме – никель, на Мадагаскаре – редкоземельные элемен-

ПРОТАГОНИСТЫ ПЕРЕДЕЛА В ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

	компания	штаб-квартира (1)	товарооборот	главная сфера деятельности
1	Glencore	Швейцария	203,8	металлы и руды
2	Rio Tinto	Австралия	63,5	алюминий и уголь
3	BHP	Австралия	60,8	железо и уголь
4	Vale	Бразилия	54,5	железо и никель
5	China Shenhua	(Пекин)	50,4	уголь
6	Jiangxi Copper	(Цзянси)	47,9	медь
7	Anglo American	Великобритания	41,6	платина и алмазы
8	Zijin Mining	(Фуцзянь)	35,4	медь
9	China Coal	(Пекин)	34,7	уголь
10	Nutrien	Канада	27,7	удобрения
11	China Molybdenum	(Хэнань)	26,8	молибден
12	Freeport-McMoRan	США	22,8	медь и молибден
13	Fortescue Metals	Австралия	22,2	железо
14	Shaanxi Coal	(Шаньси)	21,6	уголь
(2)	China Nonferrous Metal Mining	(Пекин)	16,7(3)	медь и алюминий
(2)	Yanzhou Coal	(Шаньдун)	16,3	уголь
(2)	Shandong Gold	(Шаньдун)	5,3	золото и цветные металлы
(2)	China Northern Rare Earth	(Внутренняя Монголия)	3,3	редкоземельные элементы

Товарооборот в миллиардах долларов за 2021 год. Примечания: 1) в скобках указаны китайские провинции; 2) группы ниже 15-го места; 3) данные за 2018 год.

Источник: наша обработка данных Henan Fote Mining Machinery Co. и балансовых отчётов компаний.

ты, в Республике Конго – медь и кобальт. В последней начиная с 2020 года начало развиваться сотрудничество между CNMC и крупной канадской горнодобывающей группой *Ivanhoe Mines*, которое охватывает добычу меди, никеля, платины, кобальта и ванадия.

Основным акционером *Ivanhoe* с долей около 20 % является компания *CITIC Metal*, которая входит в группу *China International Trust and Investment Corporation*. *CITIC Metal* также является акционером с 15 %-ной долей *Companhia Brasileira de Metalurgia e Mineração* (CBMM) – крупнейшего в мире производителя ниобия. Кроме того, *CITIC* владеет правом на 26,25 % продукции одного из крупнейших медных рудников в мире Лас-Бамбас в Перу.

Взаимосвязь между *Ivanhoe* и китайскими компаниями также прослеживается в *Katanga Copper*, компании, созданной для разработки одного из крупнейших в мире рудников в Конго. Конголезское правительство владеет 20 % акций, а *Ivanhoe* и китайская *Zijin* – по 39,5 % каждая.

China Molybdenum (CMOC) с оборотом более 26 млрд долл. и более чем 11 тыс. сотрудников является крупнейшим производителем вольфрама, вторым по величине производителем кобальта и ниобия, входит в семью лидеров по производству молибдена и является одним из крупнейших производителей меди. Компания владеет одним из крупнейших медно-кобальтовых рудников в Демократической Республике Конго – Тенке-Фунгуруме, в 2016 году она приобрела 56 % его акций у американской *Freeport-McMoRan* за 3 млрд долл., а в 2018 году – 26 % канадской горнодобывающей компании *Lundin* за более чем миллиард; остальные 20 % принадлежат конголезскому правительству.

Экспансия в Латинской Америке

Капитал переходит из рук в руки, а эксплуатация и невыносимые условия труда шахтёров остаются. В последние годы передел горнодобывающей промышленности привёл к появлению новых китайских групп, как государственных, так и частных, которые приходят на смену старым грабителям шахт. Гон-

ка за металлами, стратегически необходимыми для питания Дракона, подталкивает эти компании к освоению новых и старых направлений в Африке и Латинской Америке.

Zijin Mining – крупная компания по добыче меди, золота, цинка и аккумуляторных металлов, с оборотом более 35 млрд долл. и 37 тыс. сотрудников. Крупнейшим акционером является провинция Фуцзянь (24 %). Шахты компании расположены в 14 провинциях Китая и 13 странах. С приобретением проекта по добыче лития в Аргентине и созданием совместного предприятия в Конго *Zijin* выходит на новые рынки.

Крупнейший в Китае производитель лития, компания *Jiangxi Ganfeng Lithium*, владеет контрольным пакетом акций в *Minera Exar* совместно с акционером *Lithium Americas*. *Minera Exar* разрабатывает месторождение лития Кошари-Олароз в Аргентине. У китайской компании также есть доля в мексиканской *Bacanora Lithium* (*Kalantzakos S. Terre rare. La Cina e la geopolitica dei minerali strategici*, 2021).

Tianqi Lithium, частная компания, основанная в 1995 году в Чэнду (провинция Сычуань) и насчитывающая почти 2 тыс. сотрудников, является вторым крупнейшим акционером чилийской горнодобывающей компании *Sociedad Quimica y Minera* (SQM) с инвестициями в размере 4 млрд долл.; ей также принадлежит 26 % в крупном литиевом руднике в Гринбуше, Австралия. Горнодобывающая деятельность здесь дополняется переработкой лития.

Наконец, в области добычи меди, и прежде всего в сфере её переработки, следует отметить государственного гиганта *Jiangxi Copper* с товарооборотом более 48 млрд долл. и более чем 25 тыс. сотрудников. Компании принадлежит крупнейший в Китае рудник открытого типа в Цзянси, а также многочисленные медеплавильные и перерабатывающие заводы. Она активно занимается выплавкой золота, серебра, цинка и создала базы для разведки полезных ископаемых в Перу, Казахстане и Афганистане.

Хроники Шёлкового пути

От китайской модернизации до Персидского залива

К уже существующим теоретическим концепциям, которые китайский империализм использует как свою визитку на мировом рынке и в противостоянии держав, XX съезд КПК добавил «модернизацию по-китайски».

Чжэн Юннань из Китайского университета Гонконга пишет, что Пекин давно «китаизировал» экономические школы западной буржуазии, как либеристскую, так и дирижистскую, используя их как инструменты собственного восхождения. С точки зрения нашего анализа, два упомянутых течения отражают неравномерное соотношение сил на мировом рынке: первое, английское, является выражением благоприятного соотношения, в то время как второе, немецкое, – неблагоприятного. Об этом писал Черветто в 1977 году в статье «Кризис буржуазной политической теории»¹. Тем не менее действительная роль китайской идеологии состоит в том, что она выдаёт за национальную специфику ловку комбинацию этих двух школ. С одной стороны, это происходит в столкновении со старыми державами, которое воскрешает дирижистские инструменты индустриальной политики на уровне крупных континентальных государств. В частности, редактор «Жэньминь жибао» Дин Ган отмечает, что «в США беспрецедентно сильную поддержку получает идея о том, чтобы промышленность [...] в этот раз управлялась государством». С другой стороны, обращая инструменты империалистического либеризма к «развивающимся» державам, Дракон принимает во внимание относительно протекционистские черты молодых капиталистов. Его «модернизация» тем самым демонстрирует различные наклонности.

Три заметки о китайской модели

Ху Анан в книге «Как понять современный Китай» (Пекин, 2017) пишет, что дискуссии о «китайском пути» как «единственном в мире» особом типе модернизации продвигала мощная финансовая концентрация CITIC (China International Trust and Investment Corporation), основанная Жун Ижэнем в 1979 году. По мнению Ху, «ни одна крупная страна не сравнится с Китаем по многочисленности трансформаций, которые протекали, не вызывая жестоких политических бурь». Автор вспоминает, что ещё в 1993 году Дэн отмечал границы «иллюзорного развития» прибрежных территорий и призывал сокращать неравенство между регионами; сегодняшние власти тоже делают выбор в пользу «связи между открытием и координированным внутренним развитием». По словам Ху, преимущество «китайского пути» заключается в «интеграции» внутреннего плюрализма с интернационализацией.

Бывший вице-президент Всемирного банка Джастин Ифу Линь считает, что оригинальность китайской модели заключается в комбинации дирижизма и либеризма в «капиталоемких» и «трудоемких» секторах его промышленности. Это стратегия *dual track* – двух параллельных путей: сперва маоистское объединение эпохи государственного капитализма расчистило для неё пространство; а затем благоприятную почву для её реализации заложили континентальные размеры Китая и «реформы и открытость» (“Demystifying the Chinese economy”, 2012). Такой переход – от «испытания» к участию в международном разделении труда – в «развивающихся»

странах должен гарантироваться «координирующей» ролью государства.

Социал-демократия и держава

В журнале “Гуаньча” шанхайского Института Вёсен и Осеней Ху Анан обновляет свой тезис: «Впервые со времён Движения за новую культуру [в начале XX века] китайцы имеют достаточно уверенности, необходимой для переоценки модели модернизации. На самом деле, с точки зрения истории, восхождение западных держав является краткосрочным явлением длительностью всего лишь десяти последних лет». Западная версия основывается на греческой демократии и римском праве в противовес восточному деспотизму, однако забывает о грабежах времён колониализма; Китай же «создаёт новую форму модернизации».

В 2021 году Поднебесная является «умеренно процветающей страной»; в 2035 году станет «действительно современной» в том, что касается аспектов «национального управления и народной демократии», общества всеобщего благосостояния и «общего процветания», «военной модернизации»; в 2049 году это будет «процветающая, сильная и демократическая» держава. Вот план китайской модернизации в видении Ифу Линя: сохранять темпы роста экономики 4–5 % ВВП в течение следующих 30 лет; сделать ставку на «семь более современных прибрежных провинций в дельте Янцзы, Большом Заливе Гуандуна и регионе Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй»; преодолеть проблему «хрупкого звена» в лице 40 %-ной доли семей с месячным доходом ниже 1.000 юаней во внутренних провинциях и среди «рабочих-мигрантов».

Теории для раздела

Чжоу Вэнь из Чунцина, вице-президент Института исследований марксизма в шанхайском Университете Фудань, в книге «Восхождение и падение наций: путь Китая в исторической и мировой перспективе» (Пекин, 2021) отвергает тождественность модернизации и вестернизации. По мнению Чжоу, ключ к китайскому восхождению находится в возможностях государственной власти, поскольку «чистая рыночная экономика» привела бы к «неорганизованному развитию». Автор хотел бы, чтобы китайский империализм занял своё место среди стран, давших миру крупные теории политической экономии. Переход от меркантилизма к либеризму в старой Англии, а также «воспитательный» протекционизм и индустриальная политика других европейских держав, США и даже Японии демонстрируют, что «государственное участие ведёт к успеху индустриализации в «отстающих» странах». Более того, «крупнейшие сторонники либеризма [Великобритания и затем Соединённые Штаты] были весьма протекционистскими в первые годы своего созревания».

Чжоу считает, что у истоков лежит не «чистый либеризм», а скорее некоторое «равновесие»: «Дальнейшая поддержка Великобританией свободной торговли часто оттеняла предыдущие акты экономического национализма». Выжила только «французская школа физиократов [которая] выражала экономическую мысль, основанную на естественном порядке, что удивительно походит на гармонию [...], продвигаемую древнекитайской философией». В остальном, хотя западные экономисты и «даже некоторые китайские учёные» превратно

поняли корни либеризма, их взгляды всё равно были функциональны для открытия новых восходящих стран западным капиталам: доктрины “Вашингтонского консенсуса” скрывали, что индустриальная революция была «неотделима от рациональной роли государства». И это не впервые: «Европейские страны часто прибегали к этим либеристским теориям, чтобы развязать колониальные войны».

Можно подумать, что поток капиталов в рамках Шёлкового пути в сторону “развивающихся” стран требует “Пекинского консенсуса”.

“Новые” идеи для активизма в Заливе

Дракон, пишет Чжоу, предлагает вариант модернизации, основанный на «органической интеграции и диалектическом единстве между государством и рынком [...], разрушая теоретические рамки неоллиберализма». Также и “новая экономика”, «соответствующая институциональному наследию китайской цивилизации», даёт обличье линиям внешней проекции.

По поводу поездки Си Цзиньпина в Саудовскую Аравию Дин Ган пишет: «То, что Китай может предложить арабским странам, – это помощь в их развитии [...], не только в материальном, но и концептуальном плане». У Бинбин, декан Института арабской исламской культуры в Пекинском университете, комментирует на страницах “Гуаньча”: «Концепция модернизации по-китайски привнесла новые идеи о том, как можно осуществлять модернизацию с собственными характеристиками, вместо того чтобы заимствовать западную модель»; это не обязательно означает противостояние с США, поскольку «те же страны Среднего Востока желают уравновешенной дипломатии», и их «ключевая цель заключается в уравновешивании крупных держав».

По мнению У, важность региона – многомерной артерии Персидского залива в наших терминах – не может определяться исключительно интересами Соединённых Штатов, в этом должны играть свою роль региональные и глобальные взаимодействия, в которых уже некоторое время участвует и Китай. С того момента, когда Дракон достиг определённой «ступени» развития, «вопросы, ранее мало касавшиеся Китая, стали всё более тесно переплетаться, что требует китайского участия в глобальном управлении». В связи с этим Китай предложил «новую архитектуру безопасности на Среднем Востоке в рамках GSI», «Инициативы глобальной безопасности», которая сопровождает Шёлковый путь.

Инклюзивный глобализм

В прошлом У Бинбин был рупором осторожной линии на Среднем Востоке и сторонником китайской поддержки американского присутствия в Персидском заливе: Пекин предпочитал напрямую не влезать в средневосточные дебри и уж тем более не предлагать себя на роль архитектора региональной безопасности, хотя и демонстрировал некоторые сигналы своего растущего активизма – кульминацией стал квази-альянс с Ираном в 2021 году. У пишет, что американские гарантии безопасности на самом деле оказались «экс-клюдивными», то есть исключительными, особенно в отношении Тегерана; Китай же предлагает «открытую и инклюзивную платформу для диалога» Эр-Рияду и Тегерану, региональным столицам и «крупнейшим державам мира».

По мнению У, «исторический» визит Си Цзиньпина в регион Персидского залива указывает на растущую «автономию» арабских стран от США, но в то же время подтверждает наличие их «зависимости» от Штатов в плане финансов и безопасности – достаточно привести в пример связь между нефтью и долларом. С другой стороны, Пекин «возвращает [Среднему Востоку статус] важного» региона, возобновляя соглашение о свободной торговле с Советом сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), расширение БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которую Иран хочет вступить, а Саудовская Аравия становится её “партнёром по диалогу”. О качественном скачке китайской вовлечённости в регионе речь пока не идёт, но трансформация налицо.

По мнению Дин Гана, Шёлковый путь может предложить «время и пространство» для исследования развития и политических форм модернизации молодых капиталистов. Формулы Дракона пытаются обрести диалектичность, достаточную для того, чтобы пригласить в век Азии как суннитские нефтяные монархии, так и шиитское духовенство.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 33–35.

Стеклов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт,
издание дополнено предисловием
издателя, биографией автора,
приложением из документов
Первого Интернационала,
работ К. Маркса и Ф. Энгельса,
относящихся к данной тематике,
а также статьёй Д.Б. Рязанова
“Международное товарищество
рабочих. I. Возникновение первого
Интернационала”
(из книги: Архив К. Маркса
и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924),
хронологией, фотографиями,
биографическим справочником,
перечнем упомянутых в книге
периодических изданий
и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Выборы в США

Абсентеизм афроамериканцев – кошмар демократов

Говорить о победителях и проигравших на промежуточных выборах – бесполезное занятие, если не вдаваться в детали персоналий кандидатов и политических течений, к которым они принадлежат.

На первый взгляд, промежуточные выборы закончились победой президента-демократа Джо Байдена, поскольку в Сенате его партия получила 51 место сенатора против 49 у республиканцев, после победы в Джорджии 6 декабря, но 9 декабря сенатор-демократ Кирстен Синема из Аризоны вышла из партии, вернув число к 50. Последствия этого решения остаются загадкой.

Абсентеизм избирателей-афроамериканцев

В 2022 году – цифры пока предварительные – демократы получили 51,1 млн голосов по сравнению с 60,3 в 2018 году, потеряв 9,2 млн (-15,2 %), республиканцы нарастили их число с 50,5 до 54,3 млн, на 3,8 млн (+7,5 %), а количество воздержавшихся от участия в голосовании выросло со 136 до 151 млн – рост на 15 млн (+11 %).

В этой статье мы сфокусируемся на абсентеизме афроамериканских избирателей, поскольку именно их электро-рассылочное поведение будет решающим для борьбы демократов за президентский пост в 2024 году.

«Явка афроамериканцев на промежуточных выборах была одной из самых низких для демократов», – гласит заголовочек *New York Times* от 30 ноября. С точки зрения издания, существует реальная вероятность того, что доля чернокожих избирателей упала до самого низкого уровня с 2006 года. Для Демократической партии абсентеизм чернокожих избирателей может вести к потере тех штатов, где Байден победил в 2020 году с небольшим отрывом, ставя под угрозу сохранение президентского кресла в 2024 году.

Ещё до выборов в газете *Politico* от 25 октября писали: «Демократы начинают беспокоиться, – снова – о явке афроамериканцев. Партийные стратеги опасаются, что партия делает недостаточно для мотивации чернокожих избирателей».

Борьба за президентское кресло разворачивается не во всех 50 штатах США, а в небольшом количестве «колеблющихся», где при небольших процентных изменениях в распределении голосов победа может перейти от одной партии к другой. Именно здесь сосредоточены организационные и финансовые усилия двух сторон. На штаты, где исход определён априори, например, Калифорнию для демократов или Южную Каролину для республиканцев, силы не тратятся.

Для победы на президентских выборах необходимо 270 голосов выборщиков: в 2020 году Байден победил с 306 голосами; Обама взял 332 в 2012 году и 365 в 2008 году. Есть семь штатов, где разница между результатами Байдена и Дональда Трампа составила менее 3 % – в совокупности они дают 94 голоса выборщиков. В этих штатах малейшие колебания могли качнуть перевес от одного кандидата к другому. Северная Каролина с 15 голосами досталась Трампу; остальные шесть – Джорджия, Висконсин, Пенсильвания, Мичиган, Аризона и Невада – Байдену с 79 голосами выборщиков. Именно в шести из этих штатов (в Мичигане выборы не проводились) развернулась борьба за Сенат. Доля афроамериканского населения в каждом из них превышает 3 %, то есть она выше, чем разница результатов. В Северной

Каролине и Висконсине победу снова одержали кандидаты от республиканцев, а в Джорджии, Аризоне и Неваде – от демократов; Пенсильвания перешла от республиканцев к демократам. Последний штат, дающий 20 голосов выборщиков, несомненно, станет одним из решающих пунктов в сражении за пост президента.

Календарь праймериз

На президентских выборах 2020 года за Байдена проголосовали 91 % афроамериканцев и 43 % белых (*Wall Street Journal*, 22 января 2021 года). Один голос афроамериканца за демократов стоит двух голосов белых, один не пришедший на выборы афроамериканец стоит двух белых абсентеистов. Афроамериканцы составляют 11 % от общего числа зарегистрированных избирателей, но цифра возрастает до 19 %, когда мы говорим о зарегистрированных членах демократической партии; в Южной Каролине их 26,5 %. Этот штат обычно голосует за республиканцев на президентских выборах, но на демократических праймериз, в которых республиканцы не участвуют, 60 % избирателей – афроамериканцы.

Washington Post от 3 декабря комментирует: «Байден встряхнул календарь праймериз». В течение многих лет они начинались в Айове, затем проходили в Нью-Гэмпшире и Неваде. Предложенный Байденом новый календарь, который ещё должен получить окончательное одобрение Национального комитета демократов, предусматривает, что избирательный цикл по выбору кандидата, который будет баллотироваться на пост президента в 2024 году, начнётся с Южной Каролины. В 2020 году праймериз прошли в Айове 3 февраля, в Нью-Гэмпшире – 11-го, в Неваде – 22-го, и вплоть до этого момента у Байдена были большие проблемы. Именно праймериз 29 февраля в Южной Каролине возродили шансы его кандидатуры. В прочтении *Washington Post* данный шаг Байдена свидетельствует о том, что, несмотря на свой 80-летний возраст, он намерен вновь баллотироваться в 2024 году. Другая гипотеза заключается в том, что Байден намерен подготовить почву для вице-президента, Камалы Харрис, которая является чернокожей.

Байден обосновывает изменение графика тем, что необходимо обеспечить избирателям-афроамериканцам право голоса на ранней стадии процесса, особенно учитывая, что они являются основой Демократической партии (*Washington Post*, op. cit.). План Байдена уже вызвал ожесточённые протесты внутри партии. В гонке за номинацию в 2024 году изменение календаря ударит по позициям кандидатов, имеющих электрическую базу в штатах, где афроамериканское население имеет небольшой вес.

Голосование в Нью-Йорке

Для более глубокой расшифровки итогов промежуточных выборов мы посмотрим на результаты в некоторых округах Нью-Йорка. Четыре места перешли от демократов к республиканцам: два из них – на Лонг-Айленде, южном острове Нью-Йорка, населённом представителями "среднего класса" с высоким уровнем дохода. Отметим это важно, поскольку тем самым опровергается распространённое предположение о том, что за республиканцев голосует необразованный рабочий класс. В четырёх округах Лонг-Айленда, которые теперь явля-

Президентские выборы 2020

Разн. в голосах за Байдена и Трампа (%)	Этнический состав			Голоса выборщиков	
	Белые	Афроамериканцы	Латиноамериканцы		
Северная Каролина	-1,3	68,1	21,5	9,8	15
Джорджия	+0,3	57,8	31,9	9,8	16
Аризона	+0,3	78,3	4,7	31,7	11
Висконсин	+0,6	85,2	6,4	7,1	10
Пенсильвания	+1,2	79,6	11,4	7,8	20
Невада	+2,4	64,6	9,6	29,2	6
Мичиган	+2,8	78,2	13,7	5,3	16

Сумма населения по этнической принадлежности превышает 100 %, поскольку часть латиноамериканцев учитывается дважды – как белые и как латиноамериканцы.

Источник: наша обработка данных RealClearPolitics.com и "The Almanac of American Politics"

Промежуточные выборы

в г. Нью-Йорке		2018	% голосов	2022	% голосов	разница	разн. %
Округ 1 2 3 4	Демократы	558.056	54	482.287	44	-75.769	-14
	Республиканцы	475.190	46	603.665	56	+128.475	+27
	Всего	1.034.371		1.086.189		+51.818	+5
Округ 8 14 15	Демократы	404.889	90	244.693	74	-160.196	-40
	Республиканцы	32.944	7	81.412	25	+48.468	+147
	Всего	449.071		328.954		-120.117	-27

г. Нью-Йорк

	Округа 1 2 3 4	Округа 8 14 15
средний доход (\$) семьи за год	111.824	52.539
уровень бедности	6,0	22,4
этнический состав		
белые	74	30
афроамериканцы	19	44
латиноамериканцы	8	35
уровень образования		
старшая школа	33	52
обучение в университете	24	22
выпускники и докторанты	43	26
food stamps	5	28

1, 2, 3, 4: округа с высоким уровнем дохода, с белым большинством

1 – восточный Лонг-Айленд; 2 – южный берег Лонг-Айленда; 3 – северный берег Лонг-Айленда; 4 – южная часть округа Нассау.

8, 14, 15: округа со средним и низким уровнем дохода с белым меньшинством

8 – округа Бруклин и Квинс;

14 – восточный Бронкс, северный и центральный Квинс;

15 – полностью в пределах Бронкса

Источник: наша обработка данных RealClearPolitics.com и "Statistical Abstract of United States"

ются республиканскими, средний доход домохозяйства составляет более 110 тыс. долларов в год, 74 % – белые, 43 % взрослого населения имеют степень бакалавра или выше, латиноамериканцы составляют 19 %, а афроамериканцы – 8 %. На этих выборах число избирателей здесь выросло на 5 %, Демократическая партия потеряла 14 % голосов по сравнению с промежуточными выборами 2018 года, а Республиканская увеличила их количество на 27 %. Расклад сил 2018 года, когда демократы победили с 54 против 46 %, теперь изменился в пользу республиканцев, которые теперь одержали верх с 56 против 44 % у демократов. Именно белый избиратель с высоким образовательным цензом обеспечил республиканцам четырёх конгрессменов на Лонг-Айленде. Вероятно, классы с высокими доходами, напуганные требованием радикальных демократов сократить расходы на полицию, перешли на сторону республиканцев.

Затем мы бросим взгляд на три округа, также находящихся в Нью-Йорке, с низким и средним уровнем доходов – округа 8, 14 и 15. Здесь средний доход составляет 52 000 долларов, что вдвое меньше, чем в округах Лонг-Айленда. Афроамериканцы составляют 35 %, латиноамериканцы – 44 %, белые – 30 % (сумма превышает 100 %, поскольку некоторые латиноамериканцы одновременно учитываются как белые). Население, имеющее доступ к *food stamps* (государственным ваучерам на покупку продуктов) составляет 28 %, выпускники университетов – 26 %. Число проголосовавших в этих трёх округах снизилось на 27 %, что подтверждает высокий уровень абсентеизма как среди афроамериканского, так и среди латиноамериканского населения (латиноамериканцы здесь отличаются от тех, кто проживает в Техасе и Калифорнии: мексиканцев всего 290 тыс. человек, по сравнению с 600 тыс. доминиканцев и 1,3 миллиона пуэрториканцев). Число не пришедших на выборы в данных округах увеличилось на 120 тыс., Демократическая партия потеряла 160 тыс. голосов (40 %, снижение поч-

ти вдвое), а Республиканская – набрала на 48 тыс. больше, против 128 тыс. в белом, образованном Лонг-Айленде. 120 тыс. дополнительных абсентеистов по сравнению с 2018 годом – это более чем в два раза больше, чем прирост проголосовавших примерно на 52 тыс. на Лонг-Айленде.

То, что произошло в Нью-Йорке, повторилось и в других крупных американских мегаполисах с большой массой афроамериканского населения. Эти данные, вероятно, вызвали у Байдена и Национального комитета демократов беспокойство: высокое число не пришедших на выборы афроамериканцев затруднит избрание президента-демократа в 2024 году. Шаг Байдена по изменению календаря праймериз ставит целью предотвратить негативный сценарий.

ОЭСР между расширением и кризисом идентичности

Базирующаяся в Париже Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) исторически известна как «клуб богатых стран» или «экономическое НАТО». Однако в течение десятилетий изменений и расширения области её охвата (сейчас готовится новое расширение) оба этих определения становились всё менее подходящими. Действительно, в январе были начаты переговоры о присоединении трёх европейских стран: Хорватии, Болгарии и Румынии – и трёх крупных южноамериканских государств: Бразилии, Аргентины и Перу.

Атлантистская ДНК

Исходное наблюдение Матье Леймгрубера и Матиаса Шмельцера, выступивших в качестве соредкторов коллективного труда 2017 года *“The OECD and the International Political Economy Since 1948”* (результат исследовательского проекта Института экономической истории им. Пауля Байроха при Женевском университете), состоит в том, что, хотя ОЭСР постоянно упоминается в публичных дебатах, она по-прежнему *«остаётся одной из самых неуловимых и наименее изученных международных организаций»*.

Первоначальным ядром ОЭСР являлась Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) – группа из 17 западноевропейских стран, созданная в 1948 году по инициативе Соединённых Штатов с целью управления помощью, выделяемой для послевоенного восстановления Европы в рамках Плана Маршалла. Подобно Международному валютному фонду и Всемирному банку, созданным в Бреттон-Вудсе в 1944 году, ОЕЭС являлась надстройкой нового мирового порядка, в котором доминировали США, и который был санкционирован огромным насилием второй мировой войны.

В 1950-е годы ОЕЭС столкнулась с первым кризисом двойной идентичности: с завершением Плана Маршалла исчез первоначальный смысл её существования, а попытка построить зародыш европейской интеграции разбилась о разногласия между Францией и Англией. Решение этой проблемы было найдено в укреплении функции исследовательского центра и, прежде всего, в первом расширении. После Испании, присоединившейся к ОЕЭС в 1961 году, в неё вошли Соединённые Штаты и Канада, закрепив евроатлантистскую идентичность организации, которая под новым названием ОЭСР станет экономической версией системы альянсов в Европе и Азии на следующие 30 лет, блюстителем западной капиталистической модели и инструментом «холодной» войны против ложного социализма СССР.

Расширение по трём направлениям

За шесть десятилетий существования ОЭСР количество государств-членов увеличилось почти вдвое – с 20 стран-основательниц до 38 нынешних приверженцев, – причём явное ускорение этого процесса началось с середины 1990-х годов. Процесс расширения идёт по трём основным направлениям. Первое и старейшее из них связано с Азиатско-Тихоокеанским регионом: здесь членами ОЭСР

являются Япония (присоединилась в 1964 году), Австралия (1971 г.), Новая Зеландия (1973 г.) и Южная Корея (1996 г.). Второе, более позднее и более неоднородное по уровню экономического развития, связано с Латинской Америкой: в ОЭСР входят Мексика (1994 г.), Чили (2010 г.), Колумбия (2020 г.) и Коста-Рика (2021 г.). Третье направление, где реализуется экспансионистская тенденция, более органичная для ОЭСР с точки зрения её исторического пути, охватывает дюжину стран Центральной и Восточной Европы, в дополнение к особому случаю Израиля. Следует отметить, что расширение ОЭСР на восток (Чехия, Польша и Венгрия вступили в 1995–1996 годах, Словакия, Словения, Эстония, Латвия и Литва – в период с 2000 по 2018 год) происходило параллельно с расширением НАТО.

В 1989 году распад СССР ознаменовал второй кризис идентичности ОЭСР, которая поняла, что её роль соучастника «холодной» войны постепенно исчезает. В 2007 году та же Россия Владимира Путина начала переговоры о вступлении в ОЭСР, приступив к выполнению требуемых условий, включая вступление в ВТО, завершившееся в 2012 году. Аннексия Крыма в 2014 году вынудила ОЭСР заморозить процесс присоединения России, но концепция «экономического НАТО» становится диссонансной для клуба, который хотел бы кооптировать и Москву.

Глобальная ОЭСР?

Историки Леймгрубер и Шмельцер отмечают, что *«с окончанием холодной войны и подъёмом новых стран с формирующимся рынком ОЭСР утратила два важнейших признака своей идентичности»*. Как уже упоминалось, с начала 1990-х исчезло представление о так называемом «социалистическом мире», противостоящем западному капитализму. Третьим кризисом идентичности для «клуба богатых стран» стало осознание того факта, что он больше не представляет все основные экономические державы на планете.

Доля ОЭСР в мировом производстве достигла пика в 1970-х годах (после вступления Японии), а затем неуклонно снижалась. По оценкам Всемирного банка, в 2000 году вес нынешних членов ОЭСР (по паритету покупательной способности) составлял 60 % мирового производства и за 20 лет упал примерно до 45 %. Это огромный относительный спад, отражающий бурный рост новых рынков во главе с Китаем. В этом смысле процесс расширения ОЭСР в 1990-х и 2000-х годах можно описать в рамках той же тенденции включения «развивающихся» экономик в старые институты, которая после решающего удара мирового финансового кризиса привела к тому, что Большая двадцатка соперничала с Большой семьёркой старых метрополий в роли инстанции, где происходит противостояние между державами, как утвердившимися, так и восходящими. ОЭСР пытается глобализироваться, чтобы выжить в многополярном мире, но не очевидно, что «развивающиеся» страны в этом заинтересованы. Уже в 2012 году дипломат из Сингапура Кишоре Махбубани предлагал

Западу закрыть ОЭСР – *«организацию, переживающую закат»*.

«Развивающиеся» страны в клубе

Одним из самых ярких признаков готовности ОЭСР открыться для «развивающегося» мира стало избрание в 2006 году генеральным секретарём мексиканца Анхеля Гурриа на три пятилетний срока – роль организации впервые был доверен «развивающейся» стране. Кроме того, Мексика является одним из членов ОЭСР, который сохраняет самопровозглашённый статус «развивающейся» страны в рамках ВТО, что даёт определённые преимущества в виде исключений и постепенности введения правил. Один клуб не исключает другого, и в истории ОЭСР нет недостатка в стратегически мотивированных исключениях для включения экономически отсталых стран или государств с политическими системами, не соответствующими стандартам западных демократий, таких как Турция, входившая уже в первоначальное ядро ОЕЭС.

Вопрос о статусе «развивающихся» стран-членов ВТО часто ставится в Вашингтоне, прежде всего в антикитайском ключе. Аргумент США состоит в том, что вторая мировая экономическая держава больше не может пользоваться особым режимом, предназначенным для «развивающихся» стран. В марте 2019 года президент Бразилии Жаир Болсонару нанёс визит Дональду Трампу и заключил соглашение, касающееся двух многосторонних институтов: Соединённые Штаты поддержали членство Бразилии в ОЭСР, о котором давно просило правительство этой страны, а та отказалась от статуса «развивающейся» страны в ВТО. У этого обмена были свои критики в бразильских дебатах: например, Хосе Серра, министр иностранных дел в предыдущем правительстве Мишела Темера, счёл его асимметричным. Как бы то ни было, парадокс заключается в том, что два поборника антиглобалистского популизма, такие как Трамп и Болсонару, достигли компромисса в отношении двух международных организаций, таких как ОЭСР и ВТО.

Мягкое принуждение

При описании способности наднациональных институтов оказывать своё влияние мы склонны использовать концепцию мягкой силы, популяризованную Джозефом Наем, профессором Гарварда, занимавшим должности в сфере обороны при Билле Клинтоне. Труднее определить вес конкретных полномочий и функций ОЭСР. Несомненно её статус как крупного исследовательского и статистического органа, обладающего секретариатом, насчитывающим более 3 тыс. экономистов и различных специалистов. Более того, деятельность ОЭСР является самой многотематической среди международных организаций: хотя организация и сосредоточена на экономике, она также занимается сельским хозяйством, рыболовством, образованием, транспортом, социальным обеспечением, загрязнением и т. д. В том, что касается данных и исследований, ОЭСР, возможно, является самым авторитетным в мире центром, наблюдающим за процессом *«неравномерного развития»*, причём не только экономического. Вспомним, например, фундаментальные историко-статистические разработки

Энгаса Мэддисона, опубликованные в Италии издательством «Pantarei».

К этой роли «глобального переписчика» добавляется производство сотен норм и стандартов – в основном добровольных и лишь частично обязательных – для государств-членов. После финансового кризиса Большая двадцатка выбрала ОЭСР в качестве ведущего форума для международных дискуссий по вопросам фискальной политики, продвижения банковской прозрачности и борьбы с уклонением от уплаты налогов вплоть до недавнего соглашения 2021 года о *global minimum tax* для крупных транснациональных компаний. В целом можно говорить о том, что ОЭСР реализует некую форму *«внешнего принуждения»*. Руководящие принципы ОЭСР обеспечивают международную платформу для правительств, приверженных реформам. Немецкий экономист Альфред Мюллер-Армак, один из отцов теории и практики «социальной рыночной экономики», говорил об *«эффективном огневом прикрытие»*, которое исполнительная власть может использовать против национального сопротивления.

Идеологические циклы

В своей исторической реконструкции Леймгрубер и Шмельцер показывают, как развитие *«экономической философии»* ОЭСР прошло через первую длительную кейнсианскую фазу государственного вмешательства, чтобы затем перейти к либералистскому циклу и Вашингтонскому консенсусу на рубеже 1980–1990-х годов и наконец вернуться к Кейнсу в дозировке *«инклюзивной глобализации»*. С точки зрения нашего марксистского анализа, отслеживающего в том числе и идеологические колебания и эволюцию ложного сознания международных чиновников, ОЭСР является одной из надстроек, образующих карту империалистического либерализма, наряду с такими организациями, как Всемирный банк, МВФ и ВТО. Эти учреждения находятся в эпицентре диалектики *«единства и раскола»* империализма, они – продукты истории, которые сегодня повергаются в кризис в связи с эпохальным утверждением *«новой стратегической фазы»*.

Как пишет в своём обзоре *2022 года* *“Les organisations internationales”* Гийом Девен, *«мир, породивший их, больше не существует»*. В то же время эти институты пытаются развиваться и выживать в новых условиях, оставаясь орудиями борьбы держав в рамках империалистического противостояния. Обозреватель американского журнала *Foreign Policy* Джеймс Трауб надеется, что Белый дом соберёт коалицию против ревизионистских держав России и Китая: *«Можем ли мы представить себе НАТО, которая потеряет свои географические границы, или такой вариант ОЭСР, который занимается вопросами безопасности, то есть является органом, объединяющим те государства, которые видят свою безопасность связанной с существующим порядком?»*.

Вот и ОЭСР и «глобальное» НАТО посредством своих путанных самовнушений и призывов к защите старого порядка в очередной раз пытаются обуздать переход к новому многополярному порядку империализма.

Мировое сражение в энергетике

Трудный вопрос электрификации

Электрификация стала критически важным путём к декарбонизации», – написал директор Института устойчивой энергетики при Бостонском университете Питер Фокс-Пеннер в своей книге 2020 года *“Power After Carbon”*.

Длинный электрический цикл продолжается

Основные послы докладов Международного энергетического агентства (*“Net Zero by 2050. A Roadmap for the Global Energy Sector”*, 2021) и Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (*“Global Renewables Outlook. Energy Transformation 2050”*, 2020) одинаковы: ключом к декарбонизации экономики является электричество.

Вместе с энергетическим переходом происходит конвергенция длинных циклов электрификации, автомобилизации и цифровизации: согласно упомянутым отчётам, к 2050 году доля электрической энергии в конечном потреблении энергии вырастет с нынешних 20 до 50 %, при этом 70 % электроэнергии должно поступать от ветра и солнца, а 90 % – от возобновляемых источников в целом.

Быстрая электрификация всех секторов делает электричество всё более важным элементом мировой энергетической системы. Прогнозы этих двух отчётов на 2050 год состоят в том, что электроэнергия будет обеспечивать 45 % энергии, потребляемой промышленностью, и 60 % энергии, потребляемой транспортом. В сталелитейной промышленности с ростом использования электрических печей доля электроэнергии в совокупном энергопотреблении увеличится с 24 до 53 %, в лёгкой промышленности – с 43 до 76 %, в отоплении домов с тепловыми насосами – с 7 до 55 %, кроме того, ожидается, что к 2050 году 86 % всего автопарка будут составлять электромобили.

В центре этих амбициозных планов находятся крупные электрические компании, занимающиеся как производством, так и распределением электроэнергии, такие как General Electric, Hitachi, Siemens, Iberdrola, Engie, KEPCO, TEPCO, EDF, Enel и State Grid Corporation of China. В этой колоссальной глобальной энергетической трансформации крупным автомобильным группам придётся или приспособиться к новым условиям путём глубокой реструктуризации, или погибнуть.

Однако существуют две большие проблемы возобновляемой энергетики: прерывистая генерация и неравномерное географическое распределение солнечных, ветровых и водных источников энергии.

Электрификация

На первом этапе электрификации в США, разворачивавшемся с 1890 по 1950 год, освещение, работа по дому, механическое использование энергии и многие другие её применения преобразовывали энергию человека, животных, воды и пара в электричество. Новая электрическая технология не только заменила прежние формы энергии, но и создала новый рынок с изобретением новых продуктов, таких как телевизоры, телекоммуникационные устройства и видеоигры. Без электрической энергии немислимы тысячи её применений: от компьютеров до кредитных карт.

В 1907 году только 8 % жилищ в США имели электричество, в 1920 году эта доля выросла до 35 %, в 1925 году она составила 60 %, в 1940 – 80 %, а в

1955 году – 98 %. Такие политические процессы, как “Новый курс” Франклина Рузвельта, были бы невообразимы без социальных преобразований, вызванных электричеством. Потребление электроэнергии в расчёте на одно домохозяйство увеличилось с 264 кВт·ч (киловатт-часов) в год в 1912 году до 547 кВт·ч в 1930 году и до 1845 кВт·ч в 1950 году. С 1960-х годов были добавлены новые виды использования электроэнергии: электронные вычисления, кондиционирование воздуха, факсы, видеокассеты и смартфоны.

Энергоэффективность, норма прибыли и электрические сети

Нефтяные кризисы 1970-х и 1980-х годов дали толчок к повышению эффективности: холодильник сегодня потребляет на 36 % меньше электроэнергии, чем в 1990 году, КПД современных электрических лампочек в шесть раз выше, чем у ламп накаливания. Сегодня эффективность кондиционера на 250 % выше, чем 20 лет назад.

Это повышение эффективности разорвало связь между ростом ВВП и потреблением электроэнергии и ввергло в кризис энергетические компании, столкнувшиеся с избытком производственных мощностей и снижением нормы прибыли. В США потребление электроэнергии на одного жителя после достижения пика в 13.871 кВт·ч в 2000 году упало до 12.993 кВт·ч в 2014-м. В 2010 году официальные прогнозы предсказывали увеличение эффективности использования электроэнергии к 2050 году до 53 % в отоплении домов, 45 % в водяном отоплении, 70 % в освещении, 60 % для стиральных машин, 39 % для персональных компьютеров.

В мировой экономике сформировалась двойная динамика: в старых промышленно развитых странах спрос на электроэнергию стагнирует, а в развивающихся быстро растёт. Например, в Китае потребление электроэнергии на душу населения выросло со 152 кВт·ч в 1971 году до 992 кВт·ч в 2000 году и до 3.905 кВт·ч в 2014 году.

Для электроэнергетических компаний в странах с давней индустриализацией декарбонизация экономики является возможностью для перезапуска, а в странах с развивающейся экономикой – для новых инвестиций. С энергетическим переходом электрические группы реагируют на падение нормы прибыли и пытаются расширить свой рынок за счёт электрификации автомобилей, замены ископаемого топлива электричеством в промышленности, тепловых насосов в отоплении домов и цифровизации экономики.

Глобальный опрос, проведённый американской организацией Energy Innovation Reform Project (EIRP), демонстрирует, что «каждое из крупных экономических исследований рассматривает значительное увеличение потребности в использовании электроэнергии для отопления, промышленности и транспорта к 2050 году».

Необходимость крупных сетей

Тезисы Фокса-Пеннера следует учитывать, потому что он является сторонником возобновляемых источников энергии. По его словам, решить проблемы, связанные с энергетическим переходом, может не децентрализация с помощью микросетей (малых локальных автономных сетей) или солнечных батарей на крышах домов, а концентрация производства и централизация передачи в крупных электросетях.

Электрораспределительная сеть является самой сложной инженерной системой из когда-либо созданных. Сама природа электрической энергии предполагает, что последняя должна использоваться прямо в момент своего производства: должен существовать местный, региональный, национальный баланс между поставляемой и требуемой мощностями. Нарушение этого баланса приводит к крупным блэкаутам: последний произошёл в прошлом году в Техасе. Чтобы создать надёжную и рентабельную сеть, требуется обширное применение инженерного проектирования и решающая роль правительства в установлении правил и стандартов работы. Никакая другая отрасль не может сравниться с электроэнергетической системой по экономической и технологической взаимозависимости. Работа сердца этой системы – электрораспределительной сети – должна постоянно корректироваться, а проектирование сети занимает десятилетия.

Местная самодостаточность невозможна. Местный, региональный, национальный балансы между поставляемой и потребляемой электроэнергией достижимы только при наличии крупных сетей, передающих электроэнергию из регионов, производящих её в избытке, в регионы, испытывающие дефицит, в зависимости от времени суток или времени года. Для этого нужны высоковольтные линии.

Локальная выработка электроэнергии неэффективна: по данным правительства США, электроэнергия от солнечных панелей на крышах стоит 4 цента за кВт·ч, а от солнечных панелей в крупных парках – 2 цента. То же самое и с системами хранения или накопления электроэнергии. Согласно отчёту Banca Lazard, стоимость хранения энергии в крупных устройствах с литиевыми батареями оценивается в 268 долларов за кВт·ч по сравнению с 950 долларами для небольших домашних устройств.

Солнечная и ветровая энергетика зависят от конкретных географических регионов, независимо от требуемой энергии, а также носит непостоянный характер. Источники этих видов энергии могут производить большое количество энергии в регионах или в то время суток и в те месяцы года, когда в ней нет необходимости.

Фокс-Пеннер использует такой пример: давайте рассмотрим изолированную микросеть, источником энергии для которой является солнце, хранится эта энергия в батареях, а среднесуточное потребление электроэнергии составляет 600 МВт·ч. Возьмём наихудший сценарий восьми дней облачности: для защиты от этой ситуации, при которой электричество не производится, необходимы аккумуляторные батареи на 4.800 МВт·ч (600×8); при стоимости аккумуляторов в 100 долларов за кВт·ч это означает расходы 0,5 млрд долларов на покрытие возможной недостачи выработки электроэнергии только в течение восьми дней в году, и это инвестиции в оборудование, которое не будет использоваться в течение остальных 357 дней в году.

Крупные сети позволяют обмениваться возобновляемой электроэнергией между различными географическими районами производства и потребления, снижая общие затраты. Ключевым моментом всегда является мгновенная локальная балансировка спроса и предложения мощности, а возобновляемые источники энергии в

силу своей прерывистости и разного географического положения гигантски усложняют инженерное решение этой задачи.

Можно привести и другие примеры: ветровая энергия Северного моря должна быть доставлена в Баварию, то есть на 1000 км южнее, а в Китае гидроэлектростанция “Три ущелья” находится в 3 тыс. км от центра потребления (города Шанхай).

Модель Сэмюэла Инсулла (1859–1938), построенная для электросети, в которой топливом был уголь, по-прежнему может быть успешно использована с возобновляемыми источниками энергии, даже если её и нужно модернизировать (с помощью цифровых технологий (например, умных сетей). Именно высоковольтные сети электропередачи позволяют наиболее эффективно осуществлять производство и потребление электроэнергии. Большие парки солнечных панелей гораздо более эффективны, чем отдельные солнечные панели на крышах домов не только потому, что они используют эффект масштаба, но и потому, что могут быть расположены там, где солнце лучше всего используется, а также могут иметь системы, которые ориентируют панели относительно солнца.

Мировой рынок

Крупные линии электропередачи используют эффект масштаба: процесс концентрации капитала, изученный Марксом, действует и в секторе возобновляемых источников энергии. В 2013 году по новой линии постоянного тока на 500 кВ передавалось 3.500 МВт электроэнергии при стоимости электросети 1,6 млн долларов за милю, в то время как по линии 800 кВ передавалось 6.600 МВт при стоимости 1,8 млн долларов за милю: при увеличении стоимости всего на 12 %, передаваемая мощность увеличилась на 100 %.

В Соединённых Штатах система высоковольтных линий, разработанная сетевыми операторами Среднего Запада, будет поставлять ветровую электроэнергию с Великих равнин в южные и западные штаты ночью и импортировать солнечную энергию из этих регионов днём: система будет стоить 36 млрд долларов, но сэкономит 45 млрд долларов.

В энергетическом переходе, когда внимание средств массовой информации сосредоточено на производстве электроэнергии (от солнечных батарей до ветряных турбин), проблема, которую необходимо решить, заключается в строительстве новой сети, модернизации устаревшей в промышленно развитых странах и создании новой в странах с развивающейся экономикой.

Протяжённость построенной за 130 лет мировой электросети удвоится к 2040 году и увеличится ещё на 25 % к 2050-му. В силу характера электрических систем ключевую роль будут играть правительства. По мнению Международного энергетического агентства, включение возобновляемых источников энергии в сети передачи и распределения электроэнергии потребует увеличения ежегодных инвестиций с сегодняшних 260 млрд долларов до 820 млрд долларов к 2030 году, а затем поддержания этого уровня до 2050 года. Это гигантская возможность для электрических групп в их борьбе за раздел мирового рынка электроэнергии.

Российские хроники

Империализм, демография и пролетарии в камуфляже

В разгар войны на Украине российский империализм затеял реформу вооружённых сил (ВС), что само по себе означает наличие проблем в этой сфере.

«Реальность такова, – пишет последовательный сторонник агрессии против Украины, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО Василий Кашин, – что Россия на протяжении длительного времени считала “большую войну” задачей своих сильнейших в мире стратегических ядерных сил. Её силы общего назначения строились исходя из необходимости борьбы с гибридными угрозами и участия в небольших по размаху экспедиционных операциях типа сирийской. Этим определялись карликовые масштабы российских сухопутных войск и их низкий приоритет в программах перевооружения, а также многие решения, касающиеся развития воздушно-космических сил и флота» (“Россия в глобальной политике”, 19.12.2022).

Действительно, в 2003 году на страницах январско-мартовского номера того же самого журнала руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Алексей Арбатов писал, что, хотя «курс США и НАТО в сфере военного строительства, разоружения и применения силы не способствует глубокому пересмотру военной политики России» и нельзя «слепо положиться лишь на декларативные заверения нынешних западных лидеров в дружелюбии», тем не менее «главная прямая угроза безопасности страны сегодня исходит с южных направлений» от «экстремистских националистических и религиозных движений, использующих партизанские методы ведения войны трансграничного типа». В связи с этим в условиях, когда «допустимая ничтожная вероятность конфликта РФ – НАТО вполне может быть блокирована за счёт оптимального потенциала ядерного сдерживания на стратегическом и оперативно-тактическом уровне», Арбатов делал вывод, что необходима «новая, не слишком многочисленная, но высокомобильная, хорошо подготовленная и оснащённая профессиональная армия». Исходя из экономических и демографических возможностей российского империализма, её численность, считал он, должна находиться «в пределах 550–700 тыс. военнослужащих», подчёркивая, что «уже в ближайшие годы демографический

“провал” сократит призывной контингент более чем на 60 %».

Армия – зеркало государства

История российских ВС с момента распада СССР требует отдельного рассмотрения, пока ограничимся кратким экскурсом. Первой серьёзной проверкой боеспособности армии РФ стала первая чеченская война. По словам члена-корреспондента Академии военных наук полковника Анатолия Цыганка, она показала «полную неготовность российской армии к ведению полномасштабных боевых действий. [...] в войсках были проблемы со снабжением, управление также было несогласованным» (“Независимое военное обозрение”, 9.08.2019).

Следующей серьёзной проверкой для ВС российского империализма стала война в Грузии. 22 августа 2008 года на страницах того же издания заведующий аналитическим отделом Института политического и военного анализа Александр Храмчихин писал: «Нашей армии совсем плохо со средствами связи, разведки, навигации, приборами ночного видения и т. п. Нет у нас, например, беспилотников. [...] нет пехоты (мотострелков), точнее её очень много, только воевать она не может. Поэтому мы с первого дня войны начинаем забивать гвозди микроскопами, то есть использовать в качестве пехоты десант и спецназ. [...] чем высокотехнологичнее вид ВС РФ, тем больше в нём проблем. [...] гибель четырёх самолётов в противоборстве со страной, не имеющей ни одного истребителя и обладающей очень слабой наземной ПВО, – повод для чрезвычайно серьёзных размышлений».

Ко всему вышеперечисленному можно добавить одну из вечных проблем российской государственности, о которой Фридрих Энгельс писал 9 января 1877 года своему брату Герману: «Всё разлагается – дисциплина и управление, офицеры и солдаты; недостаток во всём [...] ибо воровство в России совершенно чудовищно. Чем больше создаётся складов и запасов для мобилизации, тем меньше там содержится, так как всё это – только повод для воровства»¹.

Как сама пятидневная война, так и размышления о ней пришлись на эпоху министра обороны Анатолия Сердюкова, при котором армия была реформирована. В 2012 году при штатной численности в 1 млн военнослужащих в ВС служило менее 700 тыс. человек. Численность личного состава ВС была сокращена в два с лишним раза по сравнению с 2005 годом, когда впервые после распада СССР она была увеличена на 13 %. Логику подобных колебаний следует искать не только в изменениях военной стратегии, но и в борьбе различных групп военного руководства.

Доктрина Путина и мировое перевооружение

С 30 декабря 2014 года по настоящее время происходит реализация новой военной доктрины президента Владимира Путина и ми-

нистра обороны Сергея Шойгу, её основным отличием «стало расширение перечня внутренних и внешних угроз». В частности, в их список были включены «подрывная деятельность иностранных спецслужб и установление в соседних государствах режимов, политика которых угрожает интересам России» (“Независимое военное обозрение”, 9.08.2019). Именно на 2014 год, как известно, приходится оккупация Крыма и начало боевых действий на востоке Украины. Тогда, по словам одного из лидеров сепаратистов, возглавлявшего аппарат Народного совета ДНР Алексея Александрова, «любой звонок из Москвы [...] расценивался как звонок из канцелярии самого Господа Бога и не обсуждался, принимался к исполнению немедленно» (РБК, 11.05.2017).

Наряду с растущими военными расходами и разработкой новейших вооружений эти операции укрепили иллюзию российского империализма о том, что только благодаря жёсткой силе он сможет изменить своё положение на мировой шахматной доске. В реальности же российский милитаризм в очередной раз в истории дал дополнительный импульс к новому всемирному циклу перевооружений. Как в 1853 году Николай I, «полагаясь на свой миллион солдат, – существующий, правда, в большей части лишь на бумаге, – бросил вызов Западу» благодаря чему «Луи-Наполеон смог использовать Крымскую войну в качестве предлога для превращения порядком ослабленной тогда французской армии в сильнейшую армию Европы»², так и в 2022 году В. Путин, бросив перчатку “коллективному Западу”, спровоцировал *Zeitenwende* Шольца и переход Рубикона перевооружения Кисиды.

В апреле 2015 года впервые численность контрактников превысила количество призывников: 300 тыс. и 276 тыс. соответственно. С 8 июля 2016 года общая численность ВС РФ составила 1,885 млн чел., в том числе 1 млн военнослужащих, из них 384 тыс. проходили службу по контракту. Параллельно с этим более чем на 1 трлн рублей были увеличены военные расходы (см. график). 30 сентября 2015 года началась военная операция в Сирии, где, по данным Минобороны РФ, уже к 21 февраля 2018 года получили боевой опыт 63 тыс. военнослужащих, к которым следует добавить наёмников ЧВК “Вагнер”.

Демографическая катастрофа украинской войны

По утверждению Василия Кашина, к 24 февраля 2022 года Россия пришла к конфликту с «самыми малочисленными сухопутными войсками за свою новую и новейшую историю». Они насчитывали 280 тыс. человек, и на них «приходилась примерно треть общей численности» ВС (“Россия в глобальной политике”,

22.06.2022). Такая структура была наследием прежних взглядов на характер угроз. Можно повторить мысль Уинстона Черчилля: генералы всегда готовятся к прошедшей войне.

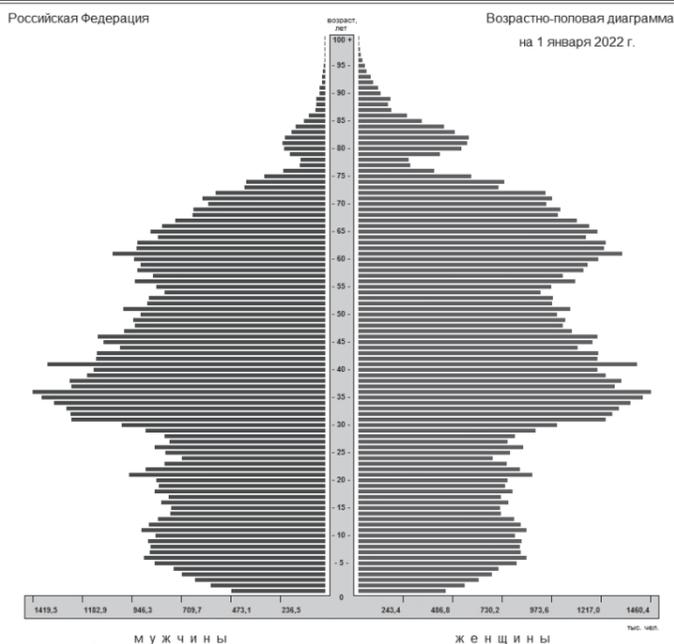
В ходе войны на Украине 25 августа 2022 года В. Путин подписал указ об увеличении численности ВС РФ с целью довести её до 2.039.758 человек, среди которых 1.150.628 – военнослужащие. Но и этого, по мнению лидеров российского империализма, оказалось мало. Ровно через 3 месяца после объявленной мобилизации, 21 декабря, на заседании коллегии министерства обороны С. Шойгу заявил, что ВС следует увеличить до 1,5 млн военнослужащих. Призывникам следует предоставить право заключать контракт с первого дня службы, считает министр обороны. Численность контрактников – солдат и сержантов – в ВС должна достигнуть 695 тыс. человек. Отдельно стоит обратить внимание на то, что возраст призыва на срочную службу планируется поэтапно поднять с 18 до 21 года, а предельный возраст призыва – с 27 до 30 лет. Благодаря этому российский империализм пытается закрыть демографическую яму: если численность молодых людей мужского пола в возрасте 18–21 лет в России составляет 2,18 млн человек, то количество 27–30-летних – 2,83 млн. Кроме прочего, значительная часть представителей первой группы защищена отсрочкой на обучение в ВУЗах. Война на Украине, несомненно, усугубит и без того серьёзные демографические и экономические проблемы России, но пока за счёт мобилизации, увеличения численности пролетариев в камуфляже и привлечения на войну заключённых, а также наёмников из различных беднейших стран мира, Кремль надеется переломить ситуацию на фронтах.

Мавр сделал своё дело, мавр может уйти

Российский империализм извлекает уроки из украинской войны. Поможет ли это ему достичь поставленных целей? На данный момент оставим вопрос открытым. Как бы то ни было, «порядок вещей, который заставляет молодую девушку по 12 часов в день до изнеможения работать на фабрике для того, чтобы на часть её неоплаченного труда фабрикант мог взять себе на службу [...] её двоюродного брата в качестве солдата»³, не имеет права на существование. *Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen.*

Январь 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 187–188.
2 – Там же. Т. 18. С. 507.
3 – Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 186.

Крупнейшие группы России в 2021 году

Последний джек

По итогам 2021 года совокупный товарооборот 50 крупнейших групп России вырос на 5,7 %. Однако нужно понимать, что эта оценка очень сильно занижена в силу того, что чуть менее одной шестой части компаний – в основном из банковского, но также из оборонного, электроэнергетического, металлургического и химического секторов – не публиковали свои данные, что было обосновано возросшей интенсивностью мирового противостояния. Однако эти компании сохранены в рейтинге с местом, определяемым значением товарооборота за 2020 год. Общая чистая прибыль всех участников рейтинга превысила 8,5 трлн рублей, что более чем на 55 % превышает показатель 2020 года.

«Чудесный год»

Всё это дало журналу «Эксперт», публикующему рейтинг 400 крупнейших компаний РФ, повод употреблять самые восторженные выражения в духе «чудесный год», «на полных парусах» и т. д. Кроме того, этот год стал «чудесным» не только для лидеров российского империализма, но и для экономики в целом. ВВП в 2021 году на ещё не иссякшей волне постпандемического восстановления вырос на 4,7 % и достиг 131,0 трлн рублей (по второй оценке Росстата), что для российской экономики является очень высоким показателем – таких темпов не было уже 13 лет. На 5,2 % ВВП РФ вырос в 2008 году.

Однако к моменту публикации «Эксперт-400» в октябре текущего года уже стало понятно, что после развязывания российским империализмом войны на Украине экономику ждёт ещё один крупный кризис, отсюда и очень показательный подзаголовок рейтинга: «На полных парусах в новый кризис». Кажется, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе этот кризис будет беспрецедентным, но трибуна «промышленной» фракции российского правящего класса не теряет своего оптимизма: «В течение десятилетий ахиллесовой пятой российской экономики было неумение быстро масштабировать и внедрять экономические эффективные модели в жизнь. Однако сегодня [...] возникает надежда, что текущий внутрироссийский кризис [...] быстро закончится». Сомневаемся, что это «изменение российского бизнес-ландшафта» будет в лучшую сторону.

Нефтегазовые группы на волне конъюнктуры

Одним из столпов экономики «новой России» традиционно является сырьевой сектор, и в 2021 году одним из основных драйверов роста экономики и финансовых показателей крупных сырьевых групп стал заметно подорожавший экспорт: рост цен на продовольствие и сырьевые товары – нефть, газ, уголь, удобрения, сталь – привёл к тому, что доля чистого экспорта в ВВП РФ выросла с 5,2 до 9,6 %.

В этом году 6 из 50 крупнейших групп России являются нефтегазовыми, и темпы роста товарооборота этих компаний были лучшими за много лет, а в абсолютных цифрах – самыми высокими. У лидера рейтинга «Газпрома» этот показатель превысил 10 трлн руб., увеличившись на 62 %. Аналогично вырос товарооборот его основного конкурента – компании «НоватЭК» (14 в рейтинге), её главный экспортный проект «Ямал СПГ» удвоил этот показатель в прошлом году, что стало возможным в силу дефицита газа в Европе, который привёл к тому, что компании из ЕС скупали буквально весь свободный СПГ в мире, разогнав цены во всех уголках планеты. «Эксперт» радуется: «Газовые компании [...] купались

в деньгах в 2021 году и утопают в них в году нынешнем. Введённые против газовиков санкции мало сказались на их финансовых результатах». Но позволим себе немного скепсиса: на данный момент разговоры о каких-либо последствиях санкций выглядят как минимум странно, так как горизонт их действия просто ещё не наступил. К примеру, такой влиятельный брюссельский мозговой центр, как Институт Брейгель, в своём недавнем исследовании «How have sanctions impacted Russia?» пишет, что «сочетание значительного и, вероятно, устойчивого падения российского импорта и постоянного отделения европейских экономик от поставок энергоносителей из России будет иметь серьёзные негативные последствия для российской экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе».

Взлёт химпрома

Основная «сенсация» в 2021 году произошла в химической промышленности: если по итогам 2020 года в нашем рейтинге присутствовала только одна группа из химического/нефтехимического сектора – «Сибур», который упал сразу на 8 позиций, – то теперь их стало целых четыре. Глубинной причиной такой разнонаправленной динамики является качественное различие между товарами этих компаний: если, по классификации Российского экспортного центра, продукция «Сибур» (полимеры) относится к категории верхних и средних переделов, то продукция остальных трёх групп (удобрения) – к «несырьевой продукции нижних переделов», характеризующейся «невысокой степенью переработки и её простотой». Тот факт, что в рейтинг ворвались «Еврохим» и ОХК «Уралхим», обусловлен возникновением острейшего дефицита и ростом цен на удобрения в 2021 году, чем и смогли воспользоваться эти компании: товарооборот «Еврохима» (26 в рейтинге) вырос на 68 %, а «Уралхима» (37 место) – на 265 %. Также в наш рейтинг вошла «Фосагро» (43-е место), в основном ориентированная на экспорт. По итогам 2021 года лишь 26 % её товарооборота были связаны с поставками на внутренний рынок, при этом 28 % пришлось на Европу и 8 % – на Северную Америку. То есть в 2022 году эта компания наверняка сильно ухудшит свои показатели. И уже сейчас она столкнулась с первыми санкциями: в марте ЕС включил генерального директора «Фосагро» Андрея Гурьева в санкционный список. Он вышел из совета директоров и покинул пост, который занял его заместитель Михаил Рыбников.

Атомная промышленность: открытие в Азии

Постоянным участником высшей лиги российского империализма является «Росатом». В этом году он опустился в рейтинге на одну позицию. На момент написания статьи компания сооружает 3 новых энергоблока в России, а портфель зарубежных заказов включает 34 блока на разных стадиях реализации. После 24 февраля был расторгнут лишь один контракт на строительство АЭС «Ханхикиви-1» в Финляндии.

Генеральный директор «Росатома» Алексей Лихачёв неоднократно заявлял, что госкорпорация «не меняет свои стратегические цели», что есть лишь «опасения и риски, связанные с компаниями-поставщиками третьей руки, то есть уровня ниже субподрядчиков» и что он рассчитывает выиграть спор с финнами. На руку компании играет и география её проектов: изначально большая их часть была сосредоточена в странах Азии.

Это делает перспективы «Росатома» одними из самых «стабильных» – если

это слово тут уместно – среди всех чемпионов российского империализма.

Металлургия: проклятие экспортоориентированности

Несмотря на то, что в целом 2021 год был для металлургов очень удачным из-за сильного роста цен на сталь – прежде всего на внешних рынках, – который почти удвоил доходы «большой тройки» – товарооборот НЛМК (13 место) вырос на 79 %, ММК (21) – на 90 %, «Северстали» (22) – на 73 %, – их дальнейшие перспективы выглядят отнюдь не радужными. Дело в том, что экономическая война Запада против российского империализма неизбежно нанесёт сильный ущерб именно этой отрасли, так как на протяжении уже нескольких десятилетий металлургическая отрасль России является в очень высокой степени экспортоориентированной. Причину этого объясняет генеральный директор ЦНИИчермет Виктор Семёнов: «В 90-е годы [...] металлопотребляющие отрасли – машино- и автомобилестроение, строительный комплекс – резко снизили потребление. [...] Чтобы выжить, металлурги искали новые рынки сбыта и быстро вышли на Запад». Далее Семёнов озвучивает самое очевидное решение этой проблемы: «Наша задача сегодня – увеличить потребление, восстанавливать [...] машиностроение и другие металлопотребляющие отрасли, запускать крупные инфраструктурные проекты».

Однако все эти планы кажутся попросту нереальными, особенно в том, что касается крупных инфраструктурных проектов. На них уповают собеседники «Эксперта», когда заявляют, «что без участия государства решить задачу увеличения потребления металла на внутреннем рынке и диверсификации производства вряд ли возможно». Однако жёсткая бюджетная политика Минфина делает этот сценарий нереализуемым. Показательно, что ещё в 2016 году, когда принимался бюджет страны на 2017–2019 годы, одно из ведущих российских бизнес-изданий РБК писало, что в 2017 году – впервые с начала 2000-х – расходы бюджета должны были сократиться даже в номинальном выражении, что свидетельствовало о выходе на поверхность тенденции, которая проявилась уже за несколько лет до этого. В своём анализе РБК писала, что в реальном выражении «расходная часть бюджета сокращается с 2014 года [...], что интуитивно согласуется с ощущением [...] «денег нет»». Кроме того, в бюджете на 2023–2025 годы ожидаются следующие объёмы расходов: в 2023 г. – 29 трлн руб., в 2024 г. – 29,4 трлн, в 2025 г. – 29,2 трлн («Ведомости», 24.11.2022). То есть мы снова видим практически стагнацию государственных расходов в номинальном выражении и их неизбежное падение в реальном. Таким образом, к 2025 году мы станем свидетелями «потерянного десятилетия государственных расходов». И всё это в тот момент, когда знак мирового цикла становится совершенно противоположным, и ведущие метрополии унитарного империализма принимают самые амбициозные за долгое время планы госрасходов, призванные увеличить их конкурентоспособность.

ВПК: бюджетные вливания и импортозависимость

Далее обратимся к самому актуальному на данный момент сектору – военно-промышленному. Начнём с его веса на рынке труда. На сайте iz.ru, принадлежащем крупнейшему частному медиахолдингу России МИЦ «Известия», в конце 2021 года приводились такие данные: «В обрабатывающей промышленности

[...] заняты 10,3 млн россиян. Из них около 2 млн человек трудятся на предприятиях [ВПК], который, по данным Минпромторга, включает 1281 организацию». Почти пятая часть от общего количества занятых в обрабатывающей промышленности – очень серьёзный показатель.

На данный момент все крупнейшие машиностроительные компании так или иначе связаны с ВПК, поэтому неудивительно, что, как пишет Павел Лузин, периодически привлекаемый ведущими российскими аналитическими СМИ в качестве военного эксперта, в своей статье для *Russia Matters* от 3 ноября, сегодня «российский [ВПК] является неотъемлемой частью политической системы [...], где распределение государственных ресурсов зависит от постоянных переговоров между различными заинтересованными сторонами, и поэтому отличается от своих американского и китайского аналогов». Лузин очень ёмко описывает ту своеобразную форму симбиоза, которая установилась между правящими и военно-промышленными фракциями российского империализма: «Российским оборонным компаниям не нужно тратить деньги на лоббистов [...], потому что ключевые лица, работающие на них, одновременно занимают высокие политические посты и изначально принимают участие в принятии решений на высоком уровне».

Кроме того, такой вес ВПК в промышленности страны создаёт почву для реализации российской буржуазией «локального» кейнсианства, которое в целом для неё нехарактерно. Научный сотрудник Института Восточноевропейских исследований Свободного Университета Берлина Владимир Ищенко пишет в «Аль-Джазира» от 26 октября: «Миллионы россиян, которые либо мобилизованы воевать на Украине, заняты в реконструкции или военной промышленности, либо участвуют в подавлении беспорядков на оккупированных территориях и дома, либо являются членами семей, превратились в непосредственных бенефициаров войны. [...] перераспределение государственного богатства посредством военных усилий создаёт новую основу для более активной и сознательной поддержки со стороны значительной части российского общества, которая теперь имеет материальную заинтересованность в конфликте».

В этом году анализ результатов групп ВПК представлял большие трудности. «Эксперт» пишет, что многие из них «закрылись», перестав предоставлять [...] свою отчётность». Однако кое-какую информацию можно извлечь из других источников. Американское специализированное издание *Defense News* опубликовало очередной рейтинг 100 крупнейших человекоубойных компаний мира за 2021 год. В него, как и в предыдущем году, вошли только две российские компании, но их позиции ухудшились: АО Концерн ВКО «Алмаз-Антей» переместилось с 17-го на 20-е место, АО «Корпорация «Тактическое ракетное вооружение» – с 35-го на 42-е место.

Но каковы дальнейшие перспективы российской оборонки в условиях нового десятилетия усиления империалистического противостояния? Президент РФ Владимир Путин считает: «Полная загрузка предприятий, которые для обеспечения потребностей армии в условиях [СВО] работают сейчас в несколько смен, даст уникальный толчок для развития промышленности».

На эту же цель направлена и текущая бюджетная политика: в 2022 году расходы на национальную оборону на целую треть превысили запланированные, в следующие два года расходы на оборону также будут больше, чем предполагалось – на

Крупнейшие группы в России в 2021 году.

Изменение места по сравнению с 2020 г.	Место 2021 г.	Группа	Сектор	Собственность	Товарооборот в 2021 г. (млрд руб.)	Чистая прибыль в 2021 г. (млрд руб.)		Численность персонала в 2021 г. (в тыс. чел.)		Fortune Global 500 (2022)	
						Изменение (%)	Изменение (%)	Изменение (%)	Изменение (%)		
=	1	“Газпром”	Нефть и газ	Государственная	10241.4	62.01%	2159.1	1189.01%	468.0	-2.0%	52
1	2	“ЛУКОЙЛ”	Нефть и газ	Частная	9435.1	67.31%	775.5	684.93%	100.8	0.8%	67
-1	3	“Роснефть”	Нефть и газ	Государственная	8761.0	52.18%	1012.0	524.69%	342.7	0.0%	118
=	4	Сбербанк	Банки	Государственная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	285.6	0.0%	270
=	5	РЖД	Транспорт	Государственная	2528.5	10.94%	50.7	-	723.5	-13.0%	
=	6	X5 Retail Group	Розничная торговля	Частная	2204.8	11.47%	48.5	-18.05%	340.0	0.1%	477
3	7	“Сургутнефтегаз”	Нефть и газ	Частная	1888.3	59.77%	513.2	-42.29%	113.0	1.0%	
-1	8	“Магнит”	Розничная торговля	Частная	1856.1	19.46%	48.1	12.66%	360.0	13.9%	
-1	9	“Росатом”	Холдинг	Государственная	1438.9	14.20%	н.д.	н.д.	300.0	9.1%	
1	10	“Норильский никель”	Металлургия	Частная	1316.9	17.90%	512.9	52.96%	72.3	0.3%	
5	11	“Татнефть”	Нефть и газ	Государственная	1265.4	75.58%	198.9	45.17%	65.0	8.3%	
-3	12	ВТБ	Банки	Государственная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	80.2	1.3%	
7	13	НАМК	Металлургия	Частная	1191.1	79.03%	371.7	220.67%	50.6	-6.3%	
3	14	“НоваТЭК”	Нефть и газ	Частная	1156.7	62.50%	451.6	248.47%	18.4	9.5%	
-1	15	“Транснефть”	Транспорт	Государственная	1077.9	12.00%	н.д.	н.д.	123.3	0.0%	
2	16	“Евраз”	Металлургия	Частная	1042.9	48.19%	228.8	145.01%	71.6	0.5%	
-5	17	“Российские сети”	Электроэнергетика	Государственная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	216.5	0.0%	
-5	18	“Интер РАО”	Электроэнергетика	Государственная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	48.7	-0.4%	
-4	19	“Мегаполис”	Оптовая торговля	Частная	911.9	15.55%	17.9	-15.21%	13.2	0.0%	
1	20	“Русал”	Металлургия	Частная	883.4	42.94%	237.5	н.д.	54.0	н.д.	
9	21	ММК	Металлургия	Частная	873.2	89.75%	229.6	302.87%	56.6	0.0%	
4	22	“Северсталь”	Металлургия	Частная	857.2	73.25%	300.1	121.18%	52.0	-0.4%	
10	23	Wildberries.ru	Розничная торговля	Частная	844.0	93.05%	н.д.	н.д.	40.0	100.0%	
-5	24	АФК “Система”	Холдинг	Частная	802.4	16.02%	53.3	14.72%	134.1	-4.2%	
4	25	“Металлоинвест”	Металлургия	Частная	781.0	68.90%	303.3	143.63%	51.2	19.9%	
new	26	“Еврохим”	Химическая и нефтехимическая промышленность	Частная	751.2	67.94%	210.3	н.д.	27.0	0.0%	
=	27	СУЭК	Угольная промышленность	Частная	714.4	48.16%	107.7	504.92%	73.0	0.0%	
-6	28	УГМК	Металлургия	Частная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	
-6	29	“Ростелеком”	Телеком	Государственная	580.1	6.07%	31.8	-6.38%	126.8	-7.2%	
-5	30	“ДНС Групп”	Розничная торговля	Частная	562.3	9.33%	24.9	н.д.	28.2	-26.7%	
-3	31	“Газпромбанк”	Банки	Государственная	547.6	16.29%	95.8	17.65%	22.3	-0.6%	
-8	32	Сибур	Химическая и нефтехимическая промышленность	Частная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	23.1	-2.1%	
new	33	“Аэрофлот”	Транспорт	Государственная	491.7	62.73%	-34.5	-	30.1	-17.8%	
5	34	ГК ПИК	Строительство	Частная	487.8	28.32%	103.6	-1.61%	30.0	0.0%	
-4	35	“Лента”	Розничная торговля	Частная	483.6	8.55%	12.2	-38.79%	52.9	4.7%	
0	36	“М.Видео”	Розничная торговля	Частная	476.4	14.00%	8.7	5.50%	30.0	66.7%	
new	37	“Уралхим”	Химическая и нефтехимическая промышленность	Частная	473.4	265.74%	153.3	413.62%	н.д.	н.д.	
-4	38	ОАК	Машиностроение	Государственная	468.2	8.41%	-19.5	-	90.0	-12.6%	
4	39	“Леруа Мерлен Восток”	Розничная торговля	Частная (иностранн. капитал)	456.6	31.53%	35.5	373.53%	16.0	-55.6%	
-8	40	“Алмаз-Антей”	Машиностроение	Государственная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	
1	41	Merlion	Оптовая торговля	Частная	429.7	20.07%	8.3	н.д.	18.7	29.0%	
new	42	ТМК	Металлургия	Частная	429.0	92.70%	7.2	-70.44%	37.2	0.2%	
new	43	“Фосагро”	Химическая и нефтехимическая промышленность	Частная	420.5	65.63%	129.7	666.35%	17.89	-0.1%	
-6	44	“Т Плюс”	Электроэнергетика	Частная	419.4	9.41%	16.7	-29.24%	48.0	2.1%	
-10	45	“Русгидро”	Электроэнергетика	Частная	406.0	6.06%	42.1	-36.05%	66.0	0.0%	
new	46	“Мечел”	Металлургия	Частная	402.1	51.47%	82.6	5574.38%	52.9	-0.1%	
-10	47	“Альфа-банк”	Банки	Частная	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	26.0	0.0%	
-6	48	“Филип Моррис сэйл энд маркетинг”	Табачная промышленность	Частная (иностранн. капитал)	392.9	9.28%	5.4	-	1.9	0.0%	
3	49	“Эшл Рус”	Оптовая торговля	Частная (иностранн. капитал)	386.0	44.95%	11.5	-	н.д.		
-5	50	ОСК	Машиностроение	Государственная	375.0	10.78%	н.д.	-	95.0	18.8%	
		Всего			61512.2	20.8%	8546.2	55.3%	5094.1	-15.5%	

Примечания: 1) Для банков речь идет о сумме процентных доходов (до вычета расходов), комиссионных доходов и непроцентных доходов за вычетом расходов по операциям с ценными бумагами и иностранной валютой; 2) н. д. – нет данных

катастрофически калечат российскую экономику, а Кремль всё более тщательно отбирает данные, отбрасывая неблагоприятные показатели и публикуя только более выгодные. Такого мнения придерживаются, к примеру, учёные из Йельской школы менеджмента, опубликовавшие статью *“Business Retreats and Sanctions Are Crippling the Russian Economy”*.

Как бы то ни было, есть ощущение, что чемпионы российского империализма сорвали в 2022 году свой последний джекпот, и, вероятно, именно огромный успех нефтегазового сектора – наиболее влиятельного с точки зрения бюджетных

поступлений и соотношения сил фракций в целом – мог подтолкнуть российскую буржуазию начать войну на Украине именно в начале этого года. Хотя, как мы уже писали, открытие окна возможностей для Москвы очевидно было обусловлено такими объективными факторами, как относительный упадок США, стратегическая задержка Европы и восхождение Китая: по всей видимости, руководители российского империализма посчитали, что лучшего случая уже не представится.

Уже сейчас можно сказать, что следующие годы для чемпионов российского империализма будут всё менее изобиль-

ными, а нам, пролетариям, стоит не забывать, что все прогнозы из упомянутого чуть выше спектра являются заинтересованными и играют на руку той или иной фракции истинного виновника этой войны – мирового унитарного империализма. Только отталкиваясь от лозунга *враг в нашем доме* мы можем противопоставить империалистическому варварству интернационалистскую стратегию нашего всемирного класса и его автономную организацию.

Декабрь 2022 г.

ПОТ?

39 и 21 % соответственно (наш расчёт по данным “Ведомостей” от 23.09.2022).

Однако в качестве контртенденций выступают недостаток и рост стоимости комплектующих в условиях санкций. Заместитель министра обороны Юрий Борисов в докладе Путину, опубликованном на официальном сайте Президента РФ 16 июля 2015 года, приводил такие данные: *«По комплектующим изделиям стран НАТО и ЕС выполнено импортозамещение по полному циклу в семи образцах из 127 запланированных»*. Затем официальные обобщённые данные о динамике импортозамещения публиковаться перестали, и есть обоснованные предположения, что в этой области далеко не всё гладко.

Так, *The Moscow Times* от 17 октября писала, что *«проверка Генпрокуратуры выявила масштабные провалы в реализации программы»* импортозамещения в ВПК, стартовавшей в 2014 году, по плану *«в 2020 г. нужно было заменить 18.047 компонентов в 43 видах техники, но это удалось сделать лишь с 3.148 компонентами в пяти видах»*.

Приведём лишь один показательный факт: очень серьёзный аналитический центр – Королевский объединённый институт оборонных исследований – проанализировал 27 российских боевых комплексов, полученных с полей сражений на Украине, и в августе опубликовал результаты своей работы в докладе: в этих системах было обнаружено как минимум 450 уникальных компонентов микроэлектроники, произведённых в США, Европе и Восточной Азии.

Не в ногу со временем

“Эксперт” отмечает: *«Без бюджетных инвестиций в капстрой падение ВВП страны было бы значительно большим»*. Да и в целом этот рупор “промышленной” фракции российской буржуазии старается идти в ногу с мировым циклом и выступает за как можно более активную промышленную политику государства. Но монетарная и бюджетная политики российского государства на протяжении десятилетия и уже опубликованные планы соответствующих ведомств до 2025 года дают основания предположить, что этим надеждам не суждено оправдаться. Исключением, пожалуй, может стать ВПК. И это усилит трещины кризиса несоответствия российской политической надстройки экономическим потребностям российского господствующего класса в целом. Будем наблюдать. Но уже сейчас можно отметить, что это неизбежно приведёт и к ухудшению условий жизни и труда российских рабочих.

Последний джекпот?

Если говорить о прогнозах на конец 2022 года, то “Эксперт” считает, что *«топ прибыльных компаний сильно поменяется: в нём не появятся банки, чистая прибыль которых уйдёт на формирование резервов, исчезнет чёрная металлургия, заметно поредет список цветных металлургов – санкции и крепкий рубль внесут свою лепту. Их место займут газовые компании, угольщики и химики – производители пластмасс и удобрений, нефтяники и инфраструктурные монополи: РЖД, “ФСК-Россети”, “Транснефть”»*.

Что ж, довольно правдоподобная оценка. Но что насчёт 2023 года и среднесрочной перспективы для российской экономики в целом?

Здесь следует серьёзно подумать. Существует много оценок, расположенных между двумя полюсами. Первый: российская экономика “с честью” выдержит беспрецедентные санкции. Второй: отступление западного бизнеса и санкции

Счета, которые не сходятся

«Правительство не прислушалось к нам» – это крик боли, который издала CGIL по поводу финансового манёвра. Поэтому вместе с UIL она организует забастовки, которые, однако, носят частичный и фрагментарный характер. «Стол», дайте нам стол, сидя за которым можно начать новую «политику доходов», – таков призыв CISL к правительству. И чтобы добиться этого, она отвергает саму идею забастовки.

Со своей стороны, Bankitalia в ходе парламентских слушаний подтверждает: наёмные работники находятся в худших условиях по сравнению с самозанятыми. То есть, как всегда, за их политику платят наёмные работники. И, как всегда, реакция профсоюзов в итоге теряется в водовороте парламентаризма.

Голос наёмных работников

Что касается заработной платы, то, напротив, голос должен быть гораздо сильнее. Доклад Международной организации труда (МОТ) подытоживает ситуацию: в Италии реальная заработная плата упала на 12 % за пятнадцать лет и на 6 % только за последний год, что намного больше, чем в среднем в ЕС (-2,4 %) и в мире (-0,9 %).

Вопрос заработной платы находится в центре открытых требований по всей Европе, хотя и без эффективной координации. В Англии он принял форму длительных протестов, забастовок, которые не прекращались даже в период католического рождества. К железнодорожникам, почтальонам, учителям, таможенникам и другим административным работникам присоединились медсёстры, впервые с момента основания их профсоюза в 1916 году. Всех их объединяет требование повышения заработной платы, призванное компенсировать инфляцию, превышающую 10 %.

В Германии новый договор с работниками металлообрабатывающей промышленности был подписан в ноябре, после того как около 900 тыс. рабочих приняли участие в «предупредительных забастовках». Результат был значительным, хотя и с ограничениями: повышение заработной платы на 8,5 % соответствовало требованиям, к этому добавлялась единовременная премия в размере 3 тыс. евро; деньги должны были распределяться двумя траншами, и, прежде всего, контракт должен был действовать в течение двух лет. Не кто иной, как президент IG Metall Йорг Хофманн отклонил предложение собственников предприятий о 30-месячном сроке, заявив, в соответствии с немецкой традицией заключения договоров, что «длительные сроки имеют тот недостаток, что связывают обе стороны обязательствами на неизвестное будущее; чем короче срок, тем лучше» (*Handelsblatt*, 28 октября). Таким образом, 24 месяца – это промежуточный вариант, который в любом случае остаётся далёким от реального четырёхлетнего срока последнего контракта, подписанного итальянскими металлургами.

На нелёгкие даже для сильного профсоюза годы, однако, указывает ряд пунктов, позволяющих отложить или приостановить повышение заработной платы в случае трудностей компании, и, прежде всего, факт, о котором не стоит забывать: договор

распространяется на компании, связанные с подписавшими его объединениями собственников, в которых занято лишь около половины работников. Остальные, предупреждает *Handelsblatt*, «могут только мечтать о таком» (21 ноября).

Удвоенный дефицит

Волна требований была вызвана, с одной стороны, высокой инфляцией, а с другой – всё более очевидной нехваткой рабочей силы. В Италии фонд, связанный с Сообществом консультантов по труду, президентом совета которого была Марина Кальдероне, нынешний министр труда, подсчитал, что через четыре года при потребности в 4,3 млн работников до 1,3 млн заявок останутся незакрытыми (*Quotidiano Nazionale*, 14 ноября).

Ещё более резким является результат периодического исследования, проводимого Unioncamere¹ и Anpal²: в последнем анализе от декабря 2022 года говорится о том, что 45 % запланированных наймов являются труднореализуемыми. Признаком времени является динамика этого показателя: в декабре 2017 года он составлял 22 %, через год подскочил до 31 %, а в конце 2019 года, накануне пандемии, – до 33 %; в пандемическом 2020 году подтвердился, затем с восстановлением экономического роста достиг 37 % в конце 2021 года и сегодня составляет 45 %. Таким образом, за пять лет степень сложности поиска работников удвоилась.

Исследование подтверждает, что наибольший дефицит касается квалифицированных рабочих (56,6 %) и технических профессий (50,3 %); для более чем половины из них это связано с «отсутствием кандидатов», для остальных – с «недостаточной подготовкой». Иными словами, демографическая зима кусается сильнее, чем образовательный дисбаланс (так называемый *mismatch*).

Интересный вывод отчёта касается использования иммиграции. В основных секторах экономики наём иммигрантов составляет 18,5 % от ожидаемого общего числа трудоустройств. Это почти вдвое больше 10 %, составляющих в настоящее время долю иностранцев в общей численности рабочей силы в Италии: таким образом, это свидетельствует о том, что в тенденции присутствие работников-иммигрантов будет играть всё более решающую роль.

Незаменимая иммиграция

Это также является открытым вопросом во всей Европе, где правительства разрываются между потребностями производственной системы и зовом электорального леса, т. е. между приветствием мигрантов и их отталкиванием. В Германии сегодня уже стало фактом, что требуется 400 тыс. иммигрантов в год, и она переходит к канадской модели «системы баллов»: для облегчения въезда учитываются знание языка, профессиональный опыт, наличие членов семьи в Германии и, конечно, возраст.

IAB, исследовательский институт Немецкого агентства труда, сделал интересный расчёт, заслуживающий внимания и за пределами Германии: к 2035 году будет наблюдаться нехватка 7 млн возможных работников.

Закон о бюджете Италии был проголосован парламентом в трагикомической схватке конца года, на фоне разговоров о том, что исполнительная власть лишила законодательную авторитета. На фоне ошибок и переписываний в двадцать пятый час, голосов доверия на грани предварительного исполнения. Это их политика, в самый разгар парламентского кретинизма. Мизансцена: в действительности краеугольные камни финансового манёвра согласовываются с Брюсселем, фактически суверенитет над счетами делится между ЕС и национальными столицами. Тем более это касается Италии, заключённой в тюрьму государственного долга в размере почти 2,8 триллиона евро. Что остаётся римской политике, так это вихрь мер в последнюю минуту; одобренные или нет, они являются пропагандой, направленной на референтную клиентелу. Идёт ли речь о повышении лимитов наличных, кредитных карт или фиксированного налога, ясно, что взгляд правительства устремлён на мелкобуржуазное изобилие магазинов и микропредприятий: мир фантастических налоговых уклонистов, который действительно обвиняется в массовом уклонении от налогов на сумму в 100 миллиардов в год – это столько же, сколько три или четыре финансовых манёвра вместе взятые. Тем временем, пока оппозиция шумит, а межклассовая возня носит всеобщий характер, замалчивается инфляция, съедающая зарплаты на более чем десятую часть их покупательной способности.

Это не единственные счета, которые не сходятся. Правительство утверждает, что хочет позаботиться о рождаемости, после десятилетий, в течение которых наступавшая демографическая зима игнорировалась. Сейчас за риторикой не только нет реальных мер по защите работающих матерей, они также не хотят видеть провалы, которые уже сегодня образуются в новом поколении рабочей силы, где рождаемость на недостаточном уровне: сотни тысяч незанятых рабочих мест, которые станут миллионами и которые сможет заполнить только иммиграция. И здесь в погоне за голосами сторонников партии победу одерживает ксенофобская и охранительная пропаганда, а новизна в Европе, как и в Америке или Японии, заключается в конкуренции за обеспечение миграционных потоков, а не за их предотвращение.

Защита классового единства, отказ от межклассовых отношений, борьба против любой дискриминации по национальному или этническому признаку – всё это остаётся неизменными ориентирами нашей коммунистической политики, и они требуют от нас конкретного добровольчества.

Устранить нехватку можно путём повышения уровня занятости женщин, в частности иностранок, а также доли работающих людей старше 60 лет. Но даже при этом будет найдено 3,4 млн работников, что составляет лишь половину от необходимого (*Handelsblatt*, 23 ноября). Примите к сведению.

Во Франции изучается возможность введения вида на жительство для представителей «критических профессий», в основном из секторов общественного питания, сельского хозяйства и строительства, где имеется дефицит рабочей силы. В Испании рассматривается возможность его предоставления тем, кто нелегально проживает в стране более двух лет и согласен посещать учебные курсы. В Италии проблема не менее серьёзна: по словам президента Сообщества Сант'Эджио, требуется не менее 200 тыс. иностранных рабочих в год (*Corriere della Sera*, 5 декабря). Это проблема, с которой неизбежно придётся столкнуться любому правительству.

Профсоюз и партия

Поэтому можно предположить, что приток иммигрантской рабочей силы будет расти: фонды, изучающие это явление, опасаются *сегрегации* иностранных рабочих в низших трудовых и доходных группах. Это вполне оправданная озабоченность, по поводу которой следует высказать два со-

ображения: первое заключается в том, что даже в этом случае можно предвидеть социальную подвижность; второе – в игру должна вступить профсоюзная организация.

Уровень синдикализации уже является элементом, характеризующим этих работников. «В 2021 году членами CGIL, CISL и UIL стали 37 % от всех занятых итальянцев, среди иностранцев эта доля составила 49,9 %», – говорится в «Статистическом докладе 2022» IDOS. Таким образом, половина этих работников уже объединена в профсоюз, и это является отправной точкой для процесса классовой интеграции при условии наличия политической воли для его продолжения.

Это, однако, только начало. Мы знаем, что только интернационалистская концепция и организация, которая взяла её на вооружение, могут скрепить сложную стратификацию наёмных работников от инженера до чернорабочего: сегодня – с целью защиты условий труда и жизни, чтобы завтра прийти к объединению всего человечества в высшей социальной форме.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

1 – Итальянский союз торговых, промышленных, ремесленных и сельскохозяйственных палат.

2 – Национальное агентство по активной политике занятости.